ЛЮБОВНЫЕ РОМАНЫ ▪ КНИГИ О ЛЮБВИ

СЛОМАННАЯ Красота

BEAUTY #3

СКАЙ УОРРЕН

Annotation

Из-за тревожного открытия новоприобретенная карьера Блейка в опасности, как и предстоящее получение диплома Эрин. Пара двигается вперед с уверенностью, что любовь победит все. Они открывают новую глубину в своем отношении друг к другу и новые высоты в своей чувственной игре, но секреты и тени подстерегают их на пути.

Скай Уоррен
"Сломанная красота"

Оригинальное Название: *Broken beauty (Beauty #)3 by E. M. Denning*
Скай Уоррен — "Сломанная красота"
Серия: *"Красота" (3 из 5)*
Автор перевода: *Ира Белинская*
Редактор: *Женя Бермас*
Вычитка: *Женя Бермас*
Оформление: *Юля Монкевич*
Обложка: *Ира Белинская*

Глава 1

В тусклом свете утреннего солнца, Эрин подбирает свою одежду и покидает комнату Блейка, закрывая за собой дверь. Девушка проскальзывает в ванную в коридоре, чтобы переодеться. Она не хочет разбудить Блейка. Нет, это ложь. Она очень сильно хочет разбудить его, заняться с ним любовью и провести весь день в постели. Но реальная жизнь наступает ей на пятки.

О заключительных заданиях профессора объявят сегодня, и это значит, что список учебников будет занесен в бюллетень книжного магазина университета. Ей нужен только один курс для её последнего семестра. Остальная часть её зачетов была по исследовательской работе, хотя, по правде говоря, исследовательская фаза уже пройдена. Теперь Эрин должна написать заключительный вариант своей диссертации, который представит в экзаменационную комиссию в конце летнего семестра.

Девушка брызгает водой на лицо и смотрит на своё отражение в зеркале. Выпускница колледжа. Едва сводящая концы с концами. Кандидат на степень магистра. Уборщица. Она не знает, какая из её сторон — реальная Эрин.

Она выходит из ванной и останавливается перед закрытой дверью. Всё тихо. Эрин идёт дальше, не тревожа его. Ещё так рано. *Пусть спит.*

На лестнице темно. Она ведёт пальцами по стене, чтобы найти дорогу. Спустившись, хватает банан с чаши на кухне, чтобы позавтракать по дороге. В тёмной прихожей, на ощупь находит свою обувь.

— Уходишь, не попрощавшись?

Эрин поворачивается на тихий звук голоса Блейка. Он, должно быть, шёл за ней вниз по лестнице, незаметно.

— Ты напугал меня.

— Прости, — бормочет он.

Колеблясь, она делает шаг к нему.

— Нет, это ты прости за то, что разбудила тебя.

Они оба лгут. Ему не нравится, когда она крадучись уходит. Ей тоже. Блейк подходит к девушке, когда она тянется к нему навстречу. Сильными руками мужчина притягивает её к себе. Эрин прислоняется щекой к обнаженной мужской груди, а её вздох облегчения смешивается с его.

Покидать Блейка всегда тяжело, даже зная, что они вскоре снова увидят друг друга. Возможно потому, что их отношения должны быть тайной. Их страсть, их любовь друг к другу, существуют только в кругу их объятий.

Она дышит им — его сонным мужским ароматом и слабым мускусным запахом секса. Её тело всё ещё гудит от воспоминаний о его прикосновениях, его языке, его члене, который сейчас прижат к женскому бедру.

Она прячет улыбку, утыкаясь ему в шею. Утренняя эрекция для женщины как божий дар. Расслабленный после сна везде, кроме этого твердого и напряженного места. Какой прекрасный способ начать день. Даже в шесть часов утра Блейк готов для неё, держа так крепко, что девушка возбуждается, будто их тела общаются на древнем языке. Её пульс, его стон. Эрин прижимается губами к ключице мужчины. Он, в ответ, прижимает её к стене.

— Я должна идти, — говорит она, даже когда позволяет сумочке упасть на пол. Сумка приоткрывается от удара о кафель, и всё содержимое высыпается на пол, но Эрин ни о чём не заботится, лишь бы он держал её так, лишь бы окружал её и горел желанием с ней. Лишь бы они были вместе.

— Оставайся со мной. Никогда не уходи, — Блейк переходит от слов к действиям, хватая руками низ её рубашки и снимая через голову. Он стонет при виде обнаженной груди девушки.

Эрин закусывает губу.

— Я не смогла найти свой бюстгальтер в темноте.

Мужчина с благоговением обхватывает её грудь.

— Прекрасна.

Она извивается возле стены, изнывая от желания всё сильнее. Он очень нежный, очень ласковый. И делает это нарочно, засранец. Его нежное восхищение сводит её с ума. Ей нужно *больше* и *сильнее* и *быстрее*, а всё, что Блейк даёт ей — это благоговение.

Но она не бессильна. Его тело просыпается, как только Эрин оказывается рядом, накаляется, напрягается. Под ее руками мускулы на груди ощущаются рильефными. Челюсть мужчины сжимается, когда девушка аккуратно царапает его плоский сосок.

Блейк расстёгивает молнию на её джинсах, и она выскальзывает из них, покачивая бедрами.

— Я действительно должна идти, — говорит она, с гораздо меньшей уверенностью, задыхаясь еще сильнее.

— Я знаю. Просто прощаюсь.

— Это так сейчас называется?

Её смех прерывается, когда Блейк начинает скользить двумя пальцами между её ног, проверяя, и Эрин знает, он почувствует, что она мокрая и готовая.

Там всё немного опухшее и чувствительное, еще не восстановилось после бурного секса, который был прошлой ночью. Не так как сейчас. Сейчас всё медленно и лениво, но почему-то остро необходимо. И почему-то все ощущается намного лучше, когда он поднимает её ногу на своё бедро.

Только немного прелюдии на этот раз. Пальцами, он потирает и проверяет Эрин. А затем Блейк прижимает свой член к её входу. Девушка обворачивает свои ноги вокруг него, и он проскальзывает внутрь. Эрин держится руками за его шею, а сильные руки поддерживают её снизу. Насаженная на член, она начинает извиваться от желания, умоляя его двигаться.

Боже, ей нужно чувствовать Блейка внутри себя, но она полностью в его власти. А иногда он может быть настоящим засранцем. Ужасным любителем подразнить. Мужчина покусывает её шею, как будто они собираются целоваться вместо того, чтобы заняться сексом. Эрин нуждается в нём так сильно, что напрягается, сжимая его член внутри себя. Блейк рычит и толкается в неё глубоко и сильно, а она задыхается от неожиданности и небольшой боли.

— Прости, — шепчет он, и в отличие от ранее сказанного, она слышит настоящее раскаяние в его голосе.

— Ещё. Так же.

— Я сделаю тебе больно.

Да, и этого она тоже хочет.

— Трахни меня, Блейк.

Мужчина дрожит удерживая девушку на руках. Ему всегда нравится, когда Эрин говорит грязными словечками.

Девушка сжимает свои бедра, это единственное движение, которое она может сделать.

— Трахни меня, как будто больше никогда не сможешь этого сделать.

Его тёмные глаза загораются. Медленно и мучительно, он выскальзывает наружу и входит в неё по самое основание. Они оба стонут от полного и тесного контакта. Наполнена его членом, насажена на его тело и всё ещё жаждет большего. Этого никогда не будет достаточно.

Эрин шепчет в его ухо:

— Трахни меня, как будто злишься на меня.

С болезненным стоном, Блейк отпускает себя. Он сильно толкает Эрин к стене и таранит её. Тело девушки всё ещё прижимается к нему, а ее рот открывается в тихом крике от болезненного удовольствия. Член двигается в ней, вторгаясь в неё, причиняя боль, и, о Боже, она не хочет, чтобы это заканчивалось. Никогда не хочет чувствовать себя пустой, никчёмной и нежеланной снова. Это желание и жажда. Это всепоглощающе.

Щупальца экстаза пробиваются сквозь её бурное состояние, подводя к оргазму, до тех пор, пока девушка не начинает всхлипывать, остро нуждаясь в том, чтобы кончить, пока не начинает повторять его имя. *Блейк, трахни меня, трахни меня. Трахни меня, Блейк.* Это песнь, молитва, но мужчина слишком далёк, чтобы услышать её, он слишком высоко вознёсся над ней, чтобы ответить.

Блейк замирает, сдерживая крик и изливая своё семя внутри неё. Подергивание его члена внутри её опухших губок подталкивает Эрин к оргазму. Она впускает в себя его поток и задыхается стоном, сжимаясь вокруг него, вызывая у мужчины поражённый стон. Они

держат друг друга, их чувствительная плоть пульсирует в едином ритме, а дыхание мужчины касается плеча девушки.

— Боже, Эрин, — он немного склоняется над ней, всё ещё двигаясь в ленивом ритме. — Ты убила меня этим. Ты всю душу у меня вынула.

Её смех выходит хриплым.

— Это потому, что ты должен был ещё спать.

— Так пойдем в постель.

— Мне нужно идти в книжный магазин. Сегодня должны привезти книги из списка и профессорские назначения. Может быть, я увижу там твоё имя.

— Не напоминай мне.

Он мягко опускает её на пол.

— Это будет потрясающе, обещаю. Осталось ещё немного времени для того, чтобы попрактиковать твою лекцию на мне.

— Тебе будет скучно, когда я начну болтать о Тиберие Гракхе.

Он работает над этим. Тиберий Гракх был умным и прогрессивным лидером, по крайней мере, так сказал Блейк, и это было очень удручающе, что тот был жестоко убит за это. Но злость Блейка, похоже, не слабела даже от того факта, что это произошло во втором веке до нашей эры.

— Я совсем не против, когда ты говоришь об этом, — она краснеет, вспоминая то, как он перевёл ей несколько грязных ругательств с латинского. — Особенно если ты читаешь мне из *"Эпиграмм Мартиала"*.

Он фыркает.

— Я должен признать, что истории США не хватает определенной страсти по сравнению с Римом.

— Ну, давай, позволь мне выслушать твою лекцию.

— Ни за что. Я могу выставить себя дураком перед толпой незнакомцев. Но я не обязан этого делать перед своей девушкой.

Эрин ничего не может с собой поделать. Усмехается, неожиданно и широко.

Блейк наклоняет голову на бок.

— Что такое? Утреннее дыхание? Надо было мне сказать.

Она закатывает глаза.

— Нет, ты назвал меня своей девушкой.

— Как ещё я должен тебя называть?

— Хм-м. Своей подружкой, с которой ты трахаешься?

Он хмурится.

— Своей любовницей.

— Своей горничной.

Его руки смыкаются вокруг нее. Блейк прислоняется своим лбом к её.

— Своим всем.

Она счастливо вздыхает. Может быть, всё будет в порядке.

***

Блейк прислоняется к дверной раме и наблюдает за тем, как красные задние фары сворачивают на главную дорогу. Это к лучшему, что она уезжает. Ему о многом нужно позаботиться, и будет слишком соблазнительно потеряться в её теле, пока Эрин рядом.

Девушка помогла ему вытащить себя из ямы, которую он сам себе вырыл, и он благодарен. Но Блейк не может продолжать использовать её как опору. Он уже чувствует, как в нём пробуждается надежда, словно дуновение весеннего ветра. Блейк ловит себя на том, что придумывает, куда отвезти её, строит планы на путешествие между своими семестрами в университете. Между *семестрами*, во множественном числе. Будто он собирается остаться, когда поклялся, что это только временно.

Всё это нормально и хорошо, но прежде чем он сможет двигаться дальше, ему нужно оглянуться назад. Справиться, наконец, с тем, с чем было слишком сложно справиться при первом возвращении домой.

Дорога до больницы занимает тридцать минут, во время которой он настраивает себя. И всё равно, когда открываются автоматические двери, запах химии и лекарств обрушивается как физический удар. Мужчина сжимает зубы и ступает внутрь. Приглушённый разговор между медсёстрами, флуоресцентное освещение, нейтральные лилово-бежевые стены — всё это слишком чертовски знакомо. На его теле выступает холодный пот, он заново чувствует жгучую боль своих ожогов. Месяцы он лежал в этой кровати. Блейк помнит, как хрипло кричал, чтобы они не трогали его, чтобы просто дали ему больше обезболивающих и убирались к чёрту. Они не слушали, тыкали в него и кололи.

— Сэр?

Он моргает. На него смотрит медсестра в розовой униформе.

— Вы в порядке, сэр?

— Да. Да, конечно. Я ищу своего друга.

Женщина отводит его к справочному столу, где находит рядового первого класса — Джозефа Дэвиса. Блейк навещал его после того, как самого Блейка выписали первым, но, как он и подозревал, Джо перевели в другую палату. Ещё и в другое крыло, более постоянное.

В витрине магазина подарков его взгляд привлекают розовые и голубые воздушные шарики. Он заходит внутрь и выбирает небольшой букет разноцветных цветов. Джо будет плевать, он не заметит, но Блейк подозревает, что там будет Шерри.

Палата оказывается намного комфортнее, чем та, что была у него раньше. Большая, с панельной обшивкой из искусственного вишнёвого дерева, большим окном с видом на город и диваном, который, вероятно, в два раза больше кровати. Блейк старательно избегает кристально-белой больничной кровати, в центре которой лежит, истыканное пластиковыми трубками, бессознательное тело его друга.

Шерри встаёт и приветствует его уставшей улыбкой и без удивления, что отмечает прошедшие месяцы.

— Блейк, как ты? Заходи, заходи.

Он протягивает Шерри цветы и целует её в щёку.

— Ты отлично выглядишь. Как малыш?

— Не думай, что я не заметила, что ты меняешь тему. Но, спасибо. Мэтт в школе.

— В школе? Боже. Последний раз, когда я его видел, он ходил в подгузниках.

Она смеётся и кладет цветы у окна.

— Уже дошкольник. Они изучают цвета и формы и разное другое, вот и всё. Только два раза в неделю. Это даёт мне немного времени передохнуть.

— Конечно, тебе нужен перерыв. На самом деле, тебе следует позволить мне кого-нибудь нанять. Не могу поверить, что не подумал об этом раньше.

— Блейк, ты уже сделал для нас слишком много.

— Я не был здесь месяцами.

Шерри закатывает глаза.

— А кто выплатил ипотеку за наше кондо?

— Я получил твою записку с благодарностью. Это было мило.

Она написала внизу своё имя… и *его*. Джозеф и Шерри Дэвис. Тогда Блейк напился и выбрался на поверхность через неделю с жутким похмельем.

— Ну, заходи. Можешь поговорить с ним. Я сбегаю и возьму кофе. Хочешь чего-нибудь?

— Нет, ничего. Не спеши.

Шерри одаривает его улыбкой, хватая свою сумочку. Дверь за ней закрывается.

Наконец Блейк позволяет своему взгляду переместиться в центр палаты. Основа в виде гармошки и пластмассовые поручни. Тонкие белые простыни. Капельница, прикреплённая к его вене, поддерживающая в нём жизнь. Джо не хотел бы этого. Блейк выразил это предположение Шерри, когда навещал её. Он думал, что она ударила бы его тогда, если бы Блейк не был в три слоя закручен в бинты. И вот до чего они дошли.

Мужчина подходит к кровати и садится рядом. Шерри даст ему достаточно времени. Она могла не всегда соглашаться с их желаниями, но понимала их. Солдаты. Выжившие. Она тоже была такой.

— Привет, приятель, — его голос надламывается. Он прочищает горло. — Это я. Блейк.

Его грудь сжимается. Это тяжелее, чем он думал.

На заднем фоне пищит аппарат. Ненавязчиво, как он предполагает. Ему интересно, слышит ли что-нибудь Джо? Сводят ли эти сигналы его с ума?

Лицо Джо осунувшееся, но гладко выбритое. На нём нет синяков и следов, которые Блейк помнит. Никаких шрамов. В отличие от Блейка — все его раны внутри. Ирония окрасила их жизни широкими, жестокими штрихами.

Блейк был не намного старше, но тогда уже прошёл пару этапов на службе. Он был младшим сержантом, лидером команды и случайным наставником новичка. Джо смотрел на него так, будто он был Индианой Джонсом, и, не полностью осознавая это, Блейк всё это проглатывал.

Затем они подорвались. Ну, в основном взорвалось лицо Блейка. Он очнулся в сырой и тёмной тюрьме, обнаружив, что они с Джо, оба, привязаны, как животные.

Вот тогда произошло самое ужасное. Блейк был командиром. И знал намного более ценную информацию. Он должен был взять на себя главный удар допроса. Это он должен был выдерживать пытки. Но мужчина сходил с ума от боли из-за ожогов, находился в бреду и не мог говорить связно. Так что они сосредоточили всё своё внимание на Джо. На юном, простодушном Джо.

Их спасли через две недели. Просто точка на радаре. Две недели, четырнадцать дней, 336 часов пыток. В официальных документах было сказано, что выживших двое. Но очнулся только Блейк, его лицо было так испорчено, что его невеста ушла после одного взгляда на него. Тем временем Шерри оставалась рядом с Джо всё время. Она никогда не сдавалась, а Джо никогда не приходил в себя, так что, да. Ирония — та еще сучка.

Бип. Бип. Бип.

Он сглатывает.

— Я кое-кого встретил. Её зовут Эрин. Всё довольно серьёзно. Она делает меня… ну, она вызывает у меня желание быть лучше. Возможно, это звучит странно, потому что я знаю,

что тогда рассказывал тебе всё это о Мелинде.

Глубокий вдох. Продолжая, мужчина понимает, что становится легче. Может быть, в этом состоит урок? Просто продолжать двигаться дальше.

— Ничего не получилось. На самом деле, она бросила меня. Но Мелинда была права насчёт одного. Мы не могли вернуться к тому, как было раньше.

Поначалу Блейк не до конца понимал это. Даже когда она не пришла забрать его из больницы после выписки. Вместо этого Мелинда ждала у двери в его дом. Он был так потрясён и одинок после месяцев на чёртовой больничной койке. Блейк притянул её в свои объятия. Но она не обняла его в ответ.

Затем он заметил чемоданы.

— Я знаю, что я придурок, что вообще говорю с тобой об этом. Я хожу и живу своей жизнью. Другой. Я хотел бы дать это тебе, приятель. Я так долго хотел поменяться с тобой местами.

Но Блейк не мог, поэтому на некоторое время перестал жить своей собственной жизнью.

Бип. Бип. Бип.

— Кстати, Шерри выглядит отлично. Правда… — стойкой. Верной. Доброй. И чертовски странно испытывать хоть какую-то зависть к мужчине в коме. — Правда, прекрасно. Как ты и говорил.

Через окно мужчина видит серые тучи, нависшие над городом. Позже будет дождь.

— Прости, что мне потребовалось так много времени, чтобы вернуться. Я был тупицей, но ты, вероятно, уже это понял. Я собираюсь постараться и стать лучше. Навещать Шерри и малыша чаще. Здесь всё в порядке, так что ты… ты можешь не переживать. Просто сосредоточься на том, чтобы поправиться.

Блейк тянется и сжимает руку Джо, прежде чем уходит. Шерри стоит за дверью палаты, разговаривая с медсёстрами. Он обнимает её на прощание и обещает зайти на неделе.

Это еще один тип лжи, то, что он сказал Джо. *Просто сосредоточься на том, чтобы поправиться.* Есть шанс, что он никогда не поправится. Доктора так и говорят. Шерри отказывается в это верить. И, может быть, Блейк тоже не совсем в это верит. Он выходит на улицу, под пасмурное небо и начинает чувствовать себя немного лучше.

Глава 2

Эрин всегда знала, что пойдёт в аспирантуру, ещё в старшей школе, хоть никто в её семье и не ходил в колледж. Она хотела работать в политической сфере, за кадром. И хотя девушка была готова делать тяжёлую работу с самого начала, она целилась выше. Её степень магистра будет заявлением о намерениях, скажет миру, и ей самой, что она чертовски серьёзна.

Эрин возвращается в свою квартиру ранним утром. На крохотной кухне тихо и уныло, сквозь окна прорывается солнечный свет. Для неё всё это начинает казаться чужим. Последние пару ночей она провела в доме Блейка.

Горячий душ смывает с тела все следы того, что Блейк занимался с ней любовью. Она перемещается тихо, чтобы не разбудить свою соседку, предоставляя Кортни несколько лишних минут сна. Достаточно скоро Эрин уже больше не сможет ждать.

Девушка легонько стучит в дверь, на случай, если Кортни уже встала. Ничего не услыша,

она входит внутрь.

Её подруга лежит, запутавшись в своих одеялах, тихо сопя.

— Просыпайся, соня. Пора идти за книгами, — требуется ещё несколько попыток, прежде чем в неё бросают подушку. Она ловит её и бросает обратно в угол кровати. — Давай. Проснись и пой.

Кортни смотрит на неё, прищуриваясь.

— Ты злая.

— Эй, если ты хочешь ехать в кампус сама…

— Нет, я встаю.

— Хорошо, потому что ты по-прежнему не двигаешься.

— Сейчас, в любую секунду, клянусь.

— Прости, милая. Я бы не делала этого с тобой, но ты знаешь, что книги закончатся, если мы не приедем пораньше.

Это не совсем правда. В университетском книжном магазине никогда не заканчиваются требуемые учебники — только используемые копии, которые являются всем, что Эрин может себе позволить.

Однажды, в одном семестре у Эрин не было достаточно денег, чтобы покрыть общую сумму в пятьсот долларов. Кортни предложила ей расплатиться за одну из книг своей карточкой, сказав, что её родители ничего не заметят. Но даже если бы она вернула деньги, это всё равно слишком сильно напоминало бы благотворительность. Так что Эрин ходит в библиотеку каждые несколько дней, чтобы использовать для своих заданий университетские копии учебников.

Кортни вытаскивает себя из кровати и плетётся в ванную. А Эрин возвращается на кухню и просматривает записки в поисках своего исследовательского документа, пока ждёт подругу. Через десять минут заходит Кортни, с мокрыми волосами, в спортивных штанах и топике с блестящей надписью "DON’T HATE" (*прим. пер.: don't hate — не ненавидь*).

Глаза девушки скрывают тёмные солнезащитные очки, хотя она всё ещё в квартире. Девушка похожа на рок-звезду, которая готовится дать отпор папарацци.

Эрин подавляет смех.

— Так плохо, да?

Кортни высовывает язык. И вздрагивает, когда они выходят на солнце и идут к машине Эрин.

— Я пришла домой в три утра. Запомните, "Егермейстер" (*прим. пер.: Егермейстер — немецкий крепкий ликёр, настоянный на травах*) — это плохая идея, мальчики и девочки.

— Думаю, я где-то уже слышала эту социальную рекламу, — говорит Эрин, выезжая с парковки.

— Да, ну, кажется, я все еще не могу выучить этот урок. Плюс, там был Дерек, так что всё вышло из-под контроля.

Дерек — бывший Кортни… и, конечно, он там был. Кто-то говорит, что вечеринка не вечеринка, пока он не приедет, так что Эрин задаётся вопросом, почему подружка продолжает ходить на такие вечеринки. Только она знает, почему именно. Они периодически расходятся и сходятся, и Кортни предпочла бы с ним сойтись. Снова.

— Знаешь, тебе следует оставить его в покое.

Подруга одаривает Эрин взглядом, который говорит, что у неё всё ещё сильное похмелье.

— Кто бы говорил. Ты встречаешься с профессором.

— Он не *мой* профессор.

— Ох, — с поддельным облегчением произносит Кортни. — В таком случае, всё превосходно. Так что, я предполагаю, ты рассказала о нём своей маме.

Эрин посылает ей лучше-заткнись-взгляд, и Кортни смеётся. Нет, Эрин не рассказала своей маме. Это только вызовет у неё беспокойство.

— Я скоро ей расскажу. Она сможет познакомиться с ним, когда приедет на выпускной.

Её мама, может быть, будет раздражена, когда узнает, как долго они встречаются, но успокоится, особенно когда познакомится с Блейком.

— Эй, я просто подкалываю. Думаю, это хорошо. Всем нужно сделать что-нибудь сумасшедшее во время учёбы в колледже. Или, в моём случае, много чего сумасшедшего.

— Но ты всегда говоришь мне, какая это была плохая идея.

— Конечно, *по* факту. Обычно это весело, пока всё происходит. Делай так, как делаю я, а не как я говорю.

— Хм-м.

Хоть Эрин и представить себе не могла этого еще год назад, она на самом деле следует по весёлым, импульсивным шагам Кортни. Опережая их, по правде говоря, потому что даже Кортни не спала с профессором.

Само по себе её это не волнует. Она никогда не была приверженицей приличий и то, что Эрин чувствует рядом с Блейком, сильно перевешивает любые беспокойства из-за установленных обществом норм. Но держа это в секрете, девушка переступает какую-то линию, о существовании которой не знала. Прежняя Эрин ставила свою маму и карьеру в колледже на первое место. Эта новая Эрин… она не очень хорошо её знает. Эту, которую трахают у стены на рассвете. Кто она? Это весело и волнующе, но приходится балансировать в этой новой вселенной. Детство с одеждой из "Секондхэнда" и зашитыми рюкзаками научило её, что бесплатно ничего не бывает. Получается, что она меняет на это новообретённое блаженство?

Парковка уже заполнена дорогими блестящими машинами и зевающими студентами, идущими ко входу в книжный магазин университета. Внутри они с Кортни разходятся между металлическими книжными полками и большими ящиками с учебниками.

Девушки определённо приехали с запасом времени. Магазин выглядит хорошо заполненным, и, кроме того, Эрин должна найти только одну книгу. Последнюю для её исследования. Для него не требуются учебники, просто много, много обычных книг из библиотеки, которые она уже практически выучила.

Она чувствует себя виноватой, что торопила Кортни. Это привычка и ранний приступ ностальгии заставили её спешить сюда. Четыре года студенчества и два года аспирантуры. Она будет скучать по этому месту.

Эрин проводит пальцем по холодному металлу стеллажа, чувствуя грубые края, когда заканчивается один стеллаж и начинается следующий. Университет оборудован красиво, с великолепными дубовыми столами и паркетным полом. Но подвал книжного магазина, где хранятся учебники, больше похож на склад. Странно, там девушка чувствует себя более уютно, перешагивая через башни из книг.

Она находит нужный стеллаж и идёт вперёд. Ох, вот она. *Количественная и аналитическая политология.* Её последний официальный урок, не считая исследования. Она рассматривает маленькую напечатанную бумажку. И её сердце замирает.

"Доктор Блейк Моррис".

Эрин читает снова. Этого не может быть. Но, ох, Боже, о Боже, конечно, это он. Имени профессора не было написано, когда она регистрировалась на курс. В этом не было ничего необычного. Штатные профессора преподают свои предпочтительные курсы, но адъюнкты (*прим. пер.: Адъю́нкт — должность или звание помощника или заместителя в различных областях*) меняются местами каждый семестр. На этот курс преподавателем наняли его. На её урок. Его специальность — история США! Она просто предполагала… Он не упоминал римлян…? О Боже. Она облажалась.

Слова, которые Эрин сказала Кортни ранее, возвращаются к ней тошнотворным порывом. *Он не* мой *профессор*. У неё такое чувство, что её сейчас стошнит на все эти блестящие учебники.

Словно в трансе она платит за книгу и, спотыкаясь, выходит наружу, к обочине. Девушка смотрит на рыхлый гравий на улице, на сорняки, прорывающиеся между бетонными плитами.

Её находит Кортни.

— Эй, я повсюду искала тебя внутри.

— Прости.

Её подруга садится рядом.

— Что такое, милая? Ты бледная как… ну, как я сейчас. Но это из-за того, что уровень алкоголя в моей крови по-прежнему выше крыши, вероятнее всего.

Эрин выдавливает из себя маленькую улыбку.

— Это его урок. Который он преподаёт. Который я беру, — бормочет она, но Кортни сразу понимает всю картину.

— Чёрт, ты серьёзно? Что ты будешь делать?

Что же, это хороший вопрос. Блейк подписал контракт, чтобы преподавать этот курс. Его репутация и профессиональное будущее зависит от этого контракта. Может быть, ещё и его здравомыслие, учитывая, что он так долго сидел взаперти. Не упоминая всех студентов, которые застрянут на месте, если он уйдёт.

И ей… ей нужен этот урок, чтобы выпуститься. Может ли она отложить его, подождать следующего семестра?

Эрин ненавидит то, что вообще думает отложить свой выпуск. Объективно она знает, что ситуация Блейка намного более весомая и опасная. Её жизнь не намного изменится от того, выпустится ли она в конце этого лета или после осеннего семестра. Но от одной мысли об этом девушка горит. Эрин слишком тяжело работала для этого. Её мама работала слишком чертовски тяжело, чтобы предоставить ей эту возможность учиться здесь.

Кроме того, она отчаянно хочет быть на равных с Блейком. Это может произойти, только когда она выпустится.

— Ничего, — наконец произносит она. — Я не собираюсь ничего делать.

Кортни смотрит на неё.

— Но он будет твоим профессором. В смысле, в одном классе.

— Я знаю.

— Он будет ставить тебе *оценку*, Эрин.

— Я знаю. Он сделает это честно. Блейк не сможет сделать это как-то по-другому.

Кортни выглядит сомневающейся.

— Думаю, ты преуменьшаешь силу убеждения наших девичьих прелестей, но давай

отложим это в сторону на минутку. Ты не думаешь, что это будет немного… не знаю, не комфортно? Он будет твоим учителем. Не ненавидь меня, но это не очень возбуждает.

Эрин чуть не начала смеяться. Его должность очень её заводила. Раньше они обыгрывали это в ролевых играх несколько раз. Всегда игриво и дразнясь, без всякой реальной силы за словами. Даже сейчас девушка представляет, как невероятно горячо он выглядит, стоя там и читая лекцию. Это одна из причин, по которой она хотела, чтобы Блейк попрактиковался на ней. Кроме того, что он не хочет, чтобы она это видела. Это худшая часть. Блейк не хочет, чтобы она видела эту его часть, настоящую часть, когда они вдвоем, а теперь Эрин будет сидеть в его классе каждый день все шесть недель. По крайней мере, всего шесть, а не весь семестр. Она не уверена, смог бы кто-нибудь из них пережить три месяца.

— Слушай, я подтолкнула его к этому. Он не хотел. Блейк сделал это ради меня. Так что теперь, если он уйдёт, и ему придётся иметь дело с неблагоприятной профессиональной реакцией, это будет моей виной. Я буду чувствовать себя ужасно из-за этого, и если Блейк поначалу будет относиться к этому нормально, то потом может завестись и обидеться на меня. Чёрт, он *должен* обидеться на меня.

— Я немного обижаюсь на тебя, — предлагает Кортни.

— Спасибо, — сухо произносит Эрин.

— Ладно, но что если он просто объяснит, что это столкновение интересов? Конечно, они не будут предъявлять к нему претензии, если у Блейка будет хорошая причина.

— Они, вероятно, будут удерживать его контрактом и выгонят меня с урока. Кроме того, я не могу так его опозорить. Все узнают. Мы должны держать это в секрете, пока я не выпущусь. Потом они могут говорить, что захотят. Так что мне *нужно* пойти на этот урок. Лучше раньше, чем позже.

— Ох, милая. Я не хочу, чтобы ты об этом пожалела. Хорошо быть дикой и заниматься отличным сексом и всё такое. Поверь мне, я знаю. Будь я на твоём месте, то сделала бы это в одно мгновение. Я бы отпускала грязные шуточки весь урок. Я бы передавала ему записки и надевала бы самые короткие юбки, сидя на первом ряду. Но ты не такая.

Нет, Эрин не такая. Она занималась сексом в университетском кабинете Блейка всего один раз, и это, скорее всего, не произойдёт снова. Ей нравится быть дикой и заниматься отличным сексом и всё такое, как выразилась Кортни, но она предпочитает уединение в доме Блейка. В этом они хорошо подходят друг другу. Он жил затворником, и она хотела уединиться с ним. Но мир вмешался и потребовал должное. И это должное, чтобы Блейк преподавал этот урок, а Эрин слушала его. Не такая уж большая просьба, правда. Она имела дело и с худшим. Эй, это даже может быть весело. И познавательно. Она уверена, что он великолепный профессор. Такой вдумчивый и увлечённый… и строгий, когда это требуется.

О Боже, Эрин возбуждает мысль о том, как он отчитывает её.

***

Она что-то скрывает. Блейк знает это, но не чувствует необходимости давить на неё. Он приготовил ужин. Спагетти не блюдо для гурманов, но это шаг вперёд от еды на вынос и пиццы. Блейк даже порылся в глубинах своей кладовой, чтобы достать бутылку вина. Они будут наслаждаться тихим вечером. И Эрин расскажет ему, что ее гложет, когда наступит подходящее время.

Сейчас, больше, чем когда-либо, он осознаёт, как сильно хочет удержать её. Знает это с

глубокой уверенностью. После его визита к Джо острая необходимость исчезла. Этот порыв овладеть ею, держать так, будто девушка может ускользнуть, если Блейк сожмёт её не достаточно сильно. Здесь, в её сладкой компании, он видит всё более ясно, с чуть большей верой в будущее.

Она делает глоток.

— Вкусно. Это особенное вино?

Он приподнимает брови.

— В смысле особенное?

— Я не знаю. Ты выглядишь как парень, который разбирается в вине. Ярлыки и винные дегустации и всё прочее.

Блейк пожимает плечами.

— Это "Мерло". Моя мама любительница вина, и я имею это в виду и в лучшем, и в худшем смысле. Но это не относится ко мне. В следующий раз я подам "КулЭйд", если хочешь.

Эрин усмехается.

— Ты пьёшь "Кул-Эйд"?

— А что, все любят "Кул-Эйд". Это продукт из детства.

— О Господи, должно быть, ты был *очаровательным* ребёнком. Я это прямо вижу — маленький Блейк в детских штанишках и с подтяжками.

Он фыркает.

— Как ты думаешь, сколько мне именно лет?

— Я не знаю… но много, — она невинно моргает. — Около тридцати?

Мужчина бросает в неё корочку от своей хлебной палочки.

Она уворачивается, смеясь.

— Тридцать один?

Пряча свою усмешку под хмурым видом, он обходит стол.

— Я могу быть древним, но я достаточно силён, чтобы справиться с болтливой маленькой девчонкой.

— Чувствуешь себя подвижным, да?

— Именно так.

Он полностью поднимает её со стула и несёт в гостиную. Не унимается, даже когда бросает девушку на диван. Опускается за ней вниз и… он чувствует, что это единственное логичное опровержение её обвинений, щекочет Эрин, пока она не начинает тяжело дышать и задыхаться в его руках. Именно как ему нравится — смеющаяся и такая чертовски идеальная, что у него болит сердце.

Блейк немного отстраняется, чувствуя себя странно сдержанным, будто не может позволить себе зайти слишком далеко. Что сводит с ума, потому что это Эрин. Его Эрин, его девочка.

Её улыбка исчезает. Она накрывает ладонью его щеку, нежно поглаживая.

— Что такое? — спрашивает она.

— Ничего. Прости.

— Не скрывай это от меня, что бы это ни было. Помнишь? Каждая частичка тебя и каждая частичка меня.

Она поднимает на него взгляд в тусклом свете из столовой. Её тёмно-золотистые волосы обрамляют лицо и спадают на коричневую кожу дивана. Он хотел бы, чтобы её глаза

не были такими широкими, губы такими полными. Он хотел бы просто отвернуться.

Вместо этого Блейк смотрит в ответ, в его разуме пробегают такие слова, как *стойкость, верность* и *доброта*. С *любовью*. Теперь он это понимает. Это намного больше, чем то, как она выглядит и говорит, хотя это была часть всего. Каждая её частичка, *в которой он хочет утонуть*; в каждом сладком, печальном сантиметре.

— Ты такая красивая, — хрипло произносит Блейк, потому что это всё, что он может сказать.

Что-то мелькает в глазах девушки. Осторожность. Чувство вины? Что она скрывает от него?

Но Эрин целует его, прижимает эти сочные губы к его губам, и он отпускает её. Позволяет ей надеть невидимую повязку на собственные глаза и отпускает Эрин, отпускает, потому что доверяет ей. Даже если это делает его идиотом, ему нужно доверять ей в этом тёмном месте, где его избивали и обжигали, и в этот раз оказаться сильнее.

На её губах слабый вкус вина, богатый и бархатистый. Блейк узнаёт нотки шоколада и красного фрукта, потому что он такой же чопорный, как она и думает. Он пил "Кул-Эйд" только иногда, когда ходил домой к друзьям, но всё это было в прошлом. Раньше. Он не умер в этом забытом богом бункере, он переродился. Блейк теперь другой мужчина, более хороший.

Его рука опускается сзади на шею девушки, пропуская шёлковые локоны между своими пальцами, поглаживая ладонью затылок. Он чувствует себя наполненным её мягкостью, ушибленным и избитым этой мягкостью. Как Эрин может принимать его вот так, полностью? Но она принимает. Девушка прижимается щекой к его щеке, прямо там, где он больше всего искромсан. Её прохладная кожа, успокаивает его. Метит его так, как он хочет сделать это с ней.

Блейк встаёт, оставляя её растянувшейся и томной на диване. Фиолетовое платье обнимает её изгибы, задравшись вверх по бёдрам. Оно должно исчезнуть. Он стягивает с неё платье, осторожно, чтобы не потянуть за волосы, но и не отпустить её. Лифчик и трусики исчезают следующими, так что она лежит на мягкой прохладной коже только в чёрных туфлях на шпильках.

Если бы Блейк мог нарисовать её вот так, то нарисовал бы. Заставил бы Эрин оставаться в этой позе часами, сам прячась за щитом мольберта, сохраняя часть её для себя. Вместо этого он может только смотреть на неё, выжигая воспоминания в своей памяти. Но чёрт, он уже никогда не забудет. Блейк знает каждый оттенок её кожи, от розового на сосках, до бледно-фарфорового внизу живота. Загорелый склон плеча девушки и золотистые волоски сзади на шее. Он перечислял её достоинства как в самом старательном исследовании, царапая на полях маленькие заметки. *И вот Эрин перед ним, чувствительная, но хочет, чтобы её ласкали, лизали. И от этого, Боже, она может кончить сразу же.*

Краткое сжатие её запястья говорит ей остаться. Мужчина приносит бокал вина с обеденного стола. *Это особенное вино?* — спросила она, и да, оно особенное. Блейк никогда больше не сможет пробовать его, не чувствуя одновременно и её вкус.

Он опускает указательный палец в напиток и касается её соска, позволяя глубокой красной жидкости покрыть сморщенную кожу. Поначалу он намеревался изрисовать её всю, но нетерпеливая похоть заставляет Блейка припасть к её груди, обводя языком сосок и засасывая его. Другой тоже вкусный, сухой, пряное вино контрастирует со сладким, свежим вкусом её самой.

Глаза Эрин затуманены возбуждением. Её ноги раскрываются в роскошной дерзости. *Возьми меня*, — говорят они, и да, чёрт возьми, он сделает это. Мужчина наклоняет бокал и выливает маленькую лужицу на её живот. Мышцы под его губами вздрагивают, пока он слизывает вино, погружая язык в пупок девушки.

Её ноги теперь широко раздвинуты: одна из ступней на полу, другая ползёт вверх по спинке дивана. Она просит его трогать её, буквально умоляет своим телом. Блейк ставит винный бокал на кофейный столик.

Она стонет.

— Пожалуйста, Блейк.

Господи. Ему нравится слушать её, всё, что она говорит, и всё, что не говорит.

— Ш-ш-ш, — успокаивает он.

Он любит заставлять её кончать, но сейчас Эрин сгорает. На пределе. Он может вознести её выше, но только с терпением. Мужчина подкладывает диванную подушку под её голову, прежде чем сбросить с себя одежду. Она наблюдает за ним из-под ресниц с позолоченными кончиками, с маленькой, благодарной улыбкой на лице.

Склоняясь над диваном, он направляет свой член в её рот. Она покорно открывается ему, её тёмный взгляд поднимается к мужчине. Влажный жар, жгучая похоть в глазах — это как тиски для его яиц, сжимающие их так сильно, что Блейк чуть не кончает тут же. Он зажмуривает глаза и заставляет себя сдержаться. *Ещё нет.*

Её язык скользит вокруг головки члена. Рот девушки всегда был удивителен, но сейчас он более мучительный, когда она знает его тело. Не он один делает заметки. Эрин скользит языком по щели на головке, и у него перед глазами появляются звёзды. Она царапает нижнюю часть члена языком, и он стонет, протяжно и низко.

— Чёрт, детка. Чёрт.

Девушка сосёт его с нетерпением, заглатывая, и его бёдра двигаются вперёд по своей собственной воле. Он находит свой способ проникать внутрь маленькими, лёгкими толчками, продвигаясь в невероятное тепло. Этого недостаточно. Эрин по-прежнему дёргает его, слегка посасывая, в женственной мольбе.

Он приподнимает бровь.

— Ты хочешь больше?

Обхватывая губами его член, она кивает.

Блейк стучит по её щеке.

— Я не уверен, что в твоём сладком ротике есть место.

Эрин умоляюще стонет.

Он меняет свою позицию над диваном, толкаясь дальше, теперь используя больше контроля, двигаясь глубже. Её глаза расширяются, но он продолжает. Продолжает заполнять её, пока не чувствует сопротивление её горла. Он слышит глубокое дыхание девушки, доказательство её сосредоточенности. Блейк двигается назад, но она хватает его за бёдра, её ладони скользят от их пота. Он раскачивается прямо так, задерживаясь глубоко внутри, его глаза закатываются от ощущений на его члене. Искры удовольствия бегут по спине и к основанию ствола, но он вырывает себя из её влажного жара.

Сейчас.

Она тает в его руках, когда Блейк поднимает девушку. Он укладывает Эрин на подлокотник дивана, чтобы её руки и лицо лежали на подушке, а попка была обнажена перед ним. Так у неё меньше контроля, так что когда мужчина касается двумя пальцами

набухшей киски, она вскрикивает, но не двигается. Едва может толкнуться назад к нему. Пальцы на ногах девушки зарываются в плюшевый ковёр под ними. От её вида перехватывает дыхание — перед ним полностью раскрыты блестящие складочки. Пухлые, влажные и готовые к нему.

Он снова берёт винный бокал и наклоняет изогнутую чашу прямо над основанием её попки, направляя ручейки жидкости по морщинистой дырочке и вниз по долинам её половых губок. Жидкость кажется чёрной на фоне кожи под её киской. Несколько тёмных капель падают на ковёр, но ему плевать. Блейк наклоняется ниже. Первый раз на вкус она как одно вино, прежде чем ощущаются оттенки её собственного вкуса. Стоны Эрин служат чувственным сопровождением к блюду, в которое он превратил её. Член пульсирует, отчаянно желая заменить язык, но он игнорирует его. Мужчина лижет и сосёт её, пока не исчезает весь вкус пикантного напитка, и он не начинает вытягивать из неё больше жидкости.

Его яйца сильно напряжены, член болит. Блейк встаёт и склоняется над ней, убирая волосы с её лица.

— Ты готова, милая?

В ответ она всхлипывает.

Блейк погружается в неё, мягко и глубоко. Её крик заглушается кожей дивана. Сходя с ума в отчаянии, он выходит из неё, прежде чем толкнуться внутрь. Весь его контроль испаряется, чувство поклонения ей, растворяется в действии. Блейк может только трахать её так сильно, как ему нужно, и надеяться, что она сможет это выдержать.

Эрин тихо рыдает, руки девушки хватаются за воздух рядом с её головой. Он меняет угол проникновения, надавливая туда, где ей нужно. Она кончает с громким вскриком, и его член окружает поток тепла. *Снова.* Блейк не сдаётся, не замедляется и ни черта не меняет, только позволяет ей дойти до пика, прежде чем она кончает с громким звуком и с ещё большим количеством жидкости и жара. Он хочет опустошать, использовать и трахать её так долго, и так сильно, чтобы она никогда не ушла.

Мужчина раздвигает её мягкие ягодицы, восхищаясь видом. Её зад и половые губы раскрыты для него. *Каждая её часть.* Блейк чувствует, как сжимаются его руки, и заставляет их расслабиться. Он закрывает глаза и отпускает себя, теряясь в крепком сжатии её киски, утопая в беспомощных звуках, которые девушка издаёт. Её оргазм обрушивается на его член, и Блейк замирает, хрипло вскрикнув, опустошаясь внутри неё, отдавая ей всё. *Каждую свою часть*.

Он тяжело дышит ей в спину, содрогаясь от последствий толчков. С сожалением мужчина выходит из её тела и помогает Эрин подняться. Он притягивает девушку на диван, укладывая её тело рядом со своим, пока она восстанавливает дыхание.

— Я не сделал тебе больно, нет? Не зашёл слишком далеко?

Она отвечает одурманенным голосом.

— Давай делать так каждый раз.

Его губы изгибаются в улыбке за мгновения да того, как Блейка охватывает сон.

Глава 3

Эрин кладёт подбородок на грудь Блейка, наслаждаясь жесткими мужскими волосками, которые щекочут её, и свежим запахом мыла и мускуса. В какой-то момент после ужина он

осторожно разбудил её. Они, спотыкаясь, сходили в ванную, прежде чем снова вместе упасть на кровать.

Но пришло время. Время поднять тему, которая может покончить с этим. Покончить с ней.

— Ты нервничаешь? — спрашивает она, ссылаясь на предстоящее обучение самым расплывчатым способом.

Он держит глаза закрытыми, но беспокойное движение конечностей выдают его.

— А что? Должен?

Нет, но Эрин нервничает. Она верит, что он замечательный профессор, и что бы ни случилось с её уроком, она справится с этим. Но эта работа преподавателя — первый шаг в направлении, чтобы снова начать жить. Она не отберёт это у него. Даже не рискнёт этим в его присутствии.

— Ты не обязан проходить через это. Если не хочешь.

После этих слов он открывает глаза. Выражение его лица остается сдержанным.

— Никто не узнает, что мы вместе, — ровным голосом произносит Блейк. — Ты не должна переживать, что люди будут осуждать тебя за…

У неё сжимается желудок. За то, что она спит с ним, потому что у него шрамы на лице.

Эрин прячет лицо в его груди, чтобы он не увидел вспышку боли, которая застала её врасплох. Её сердце разбивается по чуть-чуть каждый раз, когда Блейк унижает себя таким образом. И всё же у него есть обоснованные причины верить, что миру не все равно на его внешний вид… потому что людей это и правда *волнует*. Потому что его невеста порвала с ним, потому что его родители оплакивают Блейка, будто он умер, а не живёт. Потому что его карьера в качестве сенатора, которую он выбрал, следуя по стопам отца, разрушилась ещё до того, как успела начаться. Мир это волнует, и она не будет ему лгать.

— Ты же знаешь, я тебя не стыжусь.

Её голос приглушён. Было бы лучше смотреть ему в глаза, говоря это, но он может спутать сочувствие в её взгляде с жалостью. С него уже сорвали гордость. Она никогда не лишит его того, что у него осталось.

— В любом случае я плохой выбор для тебя, Эрин, но будь я проклят, если оставлю тебя одну.

Девушка снова поднимает взгляд, чувствуя, как её лица касается печальная улыбка.

— Я должна кое-что тебе сказать. Я не собираюсь выпускаться в этом семестре.

Его лицо мрачнеет.

— О чём ты говоришь, чёрт побери?

Когда Блейк выглядит злым, искромсанная кожа остаётся застывшей, в то время как другая часть его лица темнеет. Странный эффект, но подходящая аналогия, потому что часть его застыла в том месте боли и печали, в то время как другая борется, чтобы двигаться дальше.

Она гладит его висок — гладкий, потому что другой просто вызвал бы у него застенчивость.

— Сейчас просто не подходящее время. Ещё один семестр меня не убьёт.

Он сдерживает своё любопытство.

— Хорошо, объясни мне это. Что не подходящего в этом времени?

— Во-первых, у меня не хватит денег не обучение. Обычно я оформляюсь в рассрочку, но не могу рассчитывать на то, что в этот раз денег будет достаточно, — она делает паузу,

собираясь с силами. — Так как я больше не могу здесь работать.

Мгновение он молчит. Даже когда начинает говорить, его голос обманчиво тих.

— Мы говорили об этом.

— Да, говорили. Ты сказал, что это нормально — продолжать здесь работать… а я не согласна.

— С чем не согласна? Ты убирала мой дом до того, как между нами что-либо началось. Это не трудоустройство в обмен на то, что ты будешь спать со мной. Я никогда не причинял тебе проблем, не так ли? Никогда не жаловался на твою работу.

— Именно. Пожаловался ли ты, если бы было нужно, зная, что это вмешается в наши отношения?

Блейк закатывает глаза.

— Этот разговор… сводит меня с ума. Я не хочу, чтобы ты работала на меня, Эрин. Я хочу, чтобы ты переехала ко мне. Позволь мне покрыть стоимость твоего обучения за последний семестр. Это не так уж много.

Она в шоке смотрит на него. Они никогда не обсуждали её проживание здесь. На мгновение Эрин позволяет себе представить это. Красивый, удобный дом, куда она сможет возвращаться после окончания учебного дня. Читать снаружи, на террасе, наблюдая за лесистой местностью позади, где иногда можно увидеть оленей. Забираться в кровать с ним каждую ночь.

Боже, она хочет этого так сильно. Но не так.

— Абсолютно точно нет, — говорит она.

— Почему нет?

— Потому что это ненормально, чтобы ты так обо мне заботился. Как только я выпущусь, и у меня будет постоянная работа, тогда я подумаю о том, чтобы переехать. И о том, чтобы ты платил за меня.

— Боже, Эрин.

— Это не безрассудно. Обычно люди так и поступают.

Он качает головой.

— Я не наниматель твоей мамы. Я не попытаюсь воспользоваться тобой.

Девушка резко отодвигается от него, позволяя воздуху между ними охладить её.

— Это не честно. Она тут ни при чём.

Хотя её мама тоже убирала дома, кое-что плохое случилось с одним из её нанимателей. В один день маму резко уволили, и та пришла домой с заплаканными глазами и синяками на запястьях. Так что, может быть, это из-за её мамы, совсем немного. Тот мужчина воспользовался своим положением так, как Блейк никогда не посмеет, но Эрин не совсем уютно жить под контролем мужчины.

Их отношения уже стали сложнее, но не в том смысле, в котором он думает. Не из-за того, что она красивая, а у него шрамы. Взамен, он старше, а она моложе. Блейк жил в богатой семьи, в то время как Эрин стояла в очередях за школьным ланчем. Он умён и опытен, даже если сейчас живёт отшельником, а она просто очередная выпускница. Для неё было важно платить самой. Так что даже когда он садится и берёт её руки в свои, она упрямо держится.

— Будь со мной, — произносит мужчина с нежной, умоляющей ноткой в голосе, и она *почти* что сдаётся.

Чего ещё она может желать, кроме как быть с ним? Никаких денег или учебы или

хмурого неодобрения общества, которые разлучают их.

— Мне плевать, как мы с этим разберёмся. Мне плевать на деньги. Забирай их, я перепишу всё на тебя. Ты будешь владелицей дома, а я могу жить здесь по твоей милости.

После этого Эрин улыбается, от глупости этой идеи. От мысли о том, что она будет какой-то богатой наследницей, а Блейк будет кланяться ей в ноги. Да, глупо, но ещё и мило, потому что она верит, что ему действительно всё равно. Но как бы сильно девушка его ни любила, ни знала, что он и правда понимает трагедию в этом мире, Эрин знает, что только богатые считают, будто деньги не важны. Блейк никогда не заставит свою маму звонить копам, только для того, чтобы её мать объяснила, что если она дёрнется, любая другая работа в городе будет потеряна. Даже если он никогда не станет злоупотреблять этим, Эрин не может дать ему такую силу над собой.

— Есть ещё одна причина, по которой я не могу выпуститься в этом семестре.

— Расскажи мне.

Он сжимает её руки в своих, успокаивая, даже когда девушка отталкивает его.

— Помнишь, я говорила тебе, что мне нужно ещё одно занятие, помимо диплома? — когда он кивает, она продолжает. — Ну, для одного из занятий не был назначен профессор, когда я поступала. Это произошло раньше. Иногда какой-то предмет не заканчивают рано, а дополняют потом. Так что, когда я пошла в книжный магазин, то увидела, что они записали имя профессора. Это был кое-кто новый.

Блейк смотрит на неё.

— Чёрт.

— Да. Это был ты. Думаю, есть смысл… обсудить курс на следующий семестр. Мне следовало разобраться с этим раньше, но я думала, что ты будешь преподавать историю.

Он качает головой.

— Я уйду.

— Ты не можешь! Ты сам сказал, что им нужно, чтобы ты преподавал этот курс. Если им придётся его отменить, я всё равно не смогу выпуститься в этом семестре, как и остальные студенты, которые на него ходят.

— Чёрт, — повторяет он.

После этого Эрин улыбается. Блейк не очень часто ругается, так что она знает, что у него практически нет слов, раз он повторил это дважды.

— Всё нормально. Я не против. Я просто счастлива, что ты пошёл туда, нашёл своё место. Это важнее, чем точная дата моего выпуска.

— Всё намного сложнее, Эрин. Ты так много работала над этим. Я видел, как сильно ты работала, училась и убиралась в моём доме, чтобы позволить себе образование.

— Я могу подождать.

— И что мы будем делать, приостановим свои отношения на год, чтобы ты могла выпуститься и расплатиться по-своему? Нет, — говорит Блейк, будто это всё решит, и, может быть, так и есть. В этом он убедителен, а она… ну, она очень разочарована, что не сможет выпуститься вовремя.

— Ты же знаешь, это запрещено.

Он пожимает плечами.

— Возможно, но мы уже решили никому не рассказывать. Это не касается никого, кроме нас.

Эрин бросает на него скептический взгляд.

— Я удивлена, что ты относишься к этому нормально.

— Для меня это не нормально. Но я предан идее сделать это и чертовски точно не собираюсь позволять тебе замедлять свою жизнь ради меня. Правила придуманы для того, чтобы защищать людей от унижений, но не в этом случае.

На ее губах появляется ухмылка.

— Ты не чувствуешь себя даже немного униженным? В смысле, у нас был секс в твоём офисе.

Он притягивает её к себе на колени и целует. Его губы касаются губ девушки, когда он бормочет:

— Теперь этого больше не повторится.

— Достаточная для нас причина, чтобы всё отменить. Потому что это было сумасшедше сексуально.

Блейк опрокидывает девушку, чтобы сесть на неё сверху. Руки Эрин прижаты его руками, её тело в ловушке. И Боже, у неё всё сжимается.

— Думаю, я смогу найти замену, — произносит он, опускаясь ниже и широко раздвигая её ноги.

— О Боже, — выдыхает она. Затем собирается с силами достаточно, чтобы промурлыкать, — Ох, профессор Моррис.

Он стонет.

— Ты не можешь называть меня так в классе, иначе я…

— Иначе ты что?

— Тебе может не понравиться, что произойдёт.

Он касается губами её центра и делает так, что девушка откидывает голову на подушку, задыхаясь от удовольствия, пока не доходит до того, что начинает повторять только его имя. *Ох, Блейк*. Никаких игр и барьеров.

Ей очень нравится, как он меняется с ней. Каждый раз, когда они вместе, когда занимаются этим. Снаружи он угрюмый мужчина, мрачный и серьёзный. Задумчивый. Не хватает только обугленного пожаром поместья и открытой ветру скалы, чтобы дополнить картину. Но мужчина внутри такой другой… намного светлее. Он играет с ней, смеётся. Он дразнит её на грани выносливости, а затем даёт ей больше, чем она могла бы вообразить.

Даже сейчас Блейк нашёл способ сделать всё по-новому. Его язык на клиторе, как будто это когда-нибудь может надоесть. Но это не похоже на прошлый раз или раз до этого. Он слегка прикусывает кожу на внутренней стороне её бёдер, а затем успокаивает сладким поцелуем. Блейк касается её скользких половых губ так быстро, что она думает, будто этого не было вовсе, пока по спине не поднимаются шок и удовольствие.

— Не дразнись больше, — шепчет она.

— Ты уверена? Думаю, тебе нравятся поддразнивания.

— Я не могу. Не могу больше.

Внутри неё, два его пальца чувствуют себя как дома, и это уже слишком. Просто слишком, так что Эрин выгибается, выкрикивая:

— Подожди. Остановись.

— Что из этого? Мне остановиться или заставить тебя кончить?

— Пожалуйста, Блейк.

Она слышит, как у него перехватывает дыхание. Когда мужчина начинает говорить, его голос опускается на две октавы.

— *Да.* Ещё раз.

— Блейк, — в её разуме всё расплывается, как в центре торнадо, пока она наблюдает за кружащимся вокруг неё штормом. Эрин не может двигаться и, Боже, она не хочет этого делать. Он спокойный и одновременно похож на шторм, одновременно мирный и трагичный, что по-своему прекрасно. — Пожалуйста.

— Скажи это снова, — почти приказывает мужчина, а она не может вспомнить, чего он хочет.

— Ещё. Да, — бормочет она. — Блейк.

Он обеими руками поднимает вверх её колени.

— Скажи: *Пожалуйста, Блейк.*

Так она не может двигаться, когда её ноги согнуты и прижаты к груди, когда Эрин связана крепкой скованностью своего собственного тела и его упрямыми сильными руками на своих коленях.

— Пожалуйста, — сглатывает она, — Блейк.

— Ещё раз.

Она тихо всхлипывает.

— Пожалуйста, Блейк.

Не убирая рук с её ног, мужчина направляет свой член вверх. Головка кажется невероятно широкой, а она так открыта и обнажена для него. Плавным движением он толкается внутрь. И даёт ей именно то, чего она хочет, как и всегда. В постели или в жизни, телом или сердцем, Эрин всегда может доверять ему и просить, чтобы он наполнил её. Это изливается в неё, его любовь и восхищение, оставляя совсем чуть-чуть пространства для сомнений. Очень маленькое место, где она надеется, что делает ему так же хорошо.

***

Блейк просматривает свои записи для лекции. Снова. Он уже знает их вдоль и поперёк. Он может теоретизировать и излагать темы часами по каждому пункту списка; и мужчина делал это, в переписках и по телефонным звонкам со своими старыми друзьями и несколькими новыми в своём уединении после взрыва. Блейк знает нюансы материала, страстно чувствуя его влияние на реальную жизнь. Говоря языком Эрин, у него всё под контролем.

Но он не может избавиться от этого беспокойства. От страха, что совершает ошибку. Страха, что всё это взорвётся у него перед лицом, хотя это уже произошло — буквально. Что может быть хуже, чем боль от ожогов первой степени и потеря сослуживцев в одно мгновение? Того, что его невеста порвала с ним, когда он вернулся домой, что Блейк потерял способность следовать по стопам отца в качестве сенатора?

Сейчас ему нужно просто стоять перед тридцатью выпускниками и игнорировать то, как их взгляды нервно отворачиваются от его лица. В маленьком помещении класса один большой стол в окружении стульев, которые загромождают даже углы. Учительский стол впереди, но вся обстановка интимная. Идеально для обсуждений, которые происходят в прогрессивных выпускных классах. Но слишком близко для того, чтобы было уютно.

Может быть, его нервозность по большей части относится к определённой студентке?

Боже, Эрин. Он сходит по ней с ума. Ей нужен этот урок, а ему нужна эта работа — шанс вернуться в общество на временной, частичной основе. Блейк проверил уставные нормы университета, чтобы быть уверенным, и на удивление там не было конкретной

формулировки, запрещающей это. Он по-прежнему предполагает, что пункт о профессиональном поведении исключает всё, что он делает с её сладким телом каждую ночь. И снова, на следующее утро.

Чёрт.

Он должен уйти. Признаться в конфликте интересов декану и уйти. И оставить их в подвешенном состоянии без преподавателя этого курса… Это профессиональный суицид. Блейк попадёт в чёрный список всех университетов страны. Не упоминая всех студентов, чьи расписания и планы на выпускной будут разрушены, если этот урок пропадёт. Включая Эрин. Но если что-то пойдёт не так…

Он уйдёт и справится с вещами так, как делает всегда — напрямую. Что угодно лучше, чем рисковать отношениями с ней.

Когда мужчина встаёт, бумаги беспорядочно соскальзывают на потрескавшийся стол из палисандра. Теперь с определённой целью, он засовывает все листы в свой портфель. Его мокасины шелестят по потёртому деревянному полу. Блейк распахивает старинную тяжёлую дверь и чуть не врезается прямо в Мелинду.

Мелинда — женщина, которую он однажды любил. Невеста, которая бросила Блейка, когда увидела его лицо и поняла, что он никогда не сможет выполнить обещание служить людям. Женщина, которая зашла в его дом в ту ночь и чувствовала себя там как дома. У него нет времени для этого дерьма, и Блейк практически пролетает мимо неё, продолжая идти. Но затем останавливается, вспоминая лицо Эрин, когда она увидела Мелинду в его доме. Эрин раньше причинял боль её бойфренд-идиот, и любой был бы обеспокоен этой ситуацией. Ради Бога, Мелинда была его невестой и, вдруг, показалась в его доме? Он должен подавить это в зародыше.

Раздражённый, он практически рычит:

— Заходи. Закрой дверь, пока никто сюда не зашёл.

Она улыбается, её веки опускаются.

— Как скажешь, Блейк. Мне всегда нравилось, когда ты приказываешь.

Он качает головой.

— Всё не так, Мелинда. Между тобой и мной всё кончено, как я и сказал, когда ты пришла ко мне в кабинет. Я думал, ты тогда поняла, но, оказывается, нет. О чём ты думала, чёрт побери, когда ворвалась в мой дом?

Женщина надувает губы.

— У меня остался мой старый ключ. В любом случае, я поняла, что допустила ошибку, отпустив тебя.

Её голос становится ниже, что он всегда находил таким чертовски сексуальным. Теперь Блейк не чувствует ничего, кроме нетерпения и раздражения.

— Значит, то, что ты сказала мне, будто я никогда не смогу быть мужчиной, которого ты однажды любила… это было ошибкой?

Она вскидывает руки.

— Я не знала, как с этим справиться. Это было тяжело, понятно?

Он чувствует волнение сострадания. Вся ситуация в чертовском беспорядке. Он не хочет судить её слишком строго за то, что она сбежала. Блейк очень хорошо понимает, что разрушил тот взрыв, и это было намного больше, чем его лицо. Но это не значит, что они могут повернуть время вспять. Он даже не хочет этого.

— Между нами всё кончено. Я двигаюсь дальше.

Мелинда задумчиво наклоняет голову в бок.

— Значит, *есть* другая женщина.

Его охватывает раздражение.

— Мне плевать, что ты говоришь себе об этом. Можешь рисовать меня монстром. Бог свидетель, я уже выгляжу таким. Но больше между нами ничего не будет. Я сменил замки. Если появишься ещё раз, я вызову копов.

Её глаза расширяются, а ноздри раздуваются. По крайней мере, он наконец-то высказал своё мнение.

— Отлично, — рычит она. — Я делала это только для того, чтобы быть милой. Ты в любом случае жалок, ходишь по кампусу без стыда. Не понимаешь, что все на тебя пялятся?

К несчастью, он понимает.

— Разговор окончен.

Женщина улыбается ему хитрой улыбкой.

— О чём я вообще говорю? Никто не будет встречаться с тобой, пока ты не заплатишь. Я здесь только потому, что мне звонила твоя мать, и она переживает за своего маленького мальчика.

Боже. Его дорогая, пожилая мама никогда не отказывалась от него, как это сделал отец.

— Ты закончила?

— Увидимся на Балу факультета. Ты ведь его не пропустишь, верно?

Её усмешка делает очевидным, что она ожидает, что Блейк будет прятаться.

— Конечно, нет.

Блеск в глазах Мелинды кровожаден.

— Я с нетерпением этого жду.

— Как и я.

После того, как она уходит, он позволяет своим глазам закрыться, испуская небольшой вздох разочарования. По крайней мере, с этой частью покончено. Одну сторону его лица жжёт знакомой, ежедневной болью… и маленькой, но реальной дозой унижения. *Ходишь по кампусу без стыда*.

Блейк слышит приближающиеся шаги. Уже поздно отступать. Чёрт, уже слишком поздно. Делая глубокий успокаивающий вдох, мужчина отходит назад, когда врываются двое студентов. Они, очевидно, посреди разговора, девушка жестикулирует руками в такт своим словам, парень, опустив голову, на ходу смотрит в свой телефон. Студентка замечает его первым. И останавливается. Таращится. Парень сначала бросает взгляд на неё, открыв рот посреди произносимого предложения. Затем видит Блейка, и у него отвисает челюсть.

Блейк пытается разрядить атмосферу.

— Я — профессор Моррис. Я буду преподавать этот курс. Занимайте места, начнём через минуту.

Он выдавливает улыбку, такую, которая расслабляет людей. Его мир разделился на "до" и "после". Раньше он мог очаровать любого этой улыбкой. Теперь, знает — это больше похоже на гримасу. Парень, кажется, приходит в себя быстрее. Студент отвечает кивком в знак приветствия, прежде чем стянуть свой рюкзак и занять место. Девушке приходится немного тяжелее, она смотрит на его лицо, будто это загадка, которую ей нужно решить. Блейк вынуждает улыбку оставаться на месте и сжимает зубы. Она, наконец, разворачивается, чтобы сесть на место рядом со своим другом, когда заходит Эрин.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

Из комнаты исчезает весь воздух, как и всегда, когда она рядом. Взрыв подавил его, но это никак не сравнится с тем, что делает с ним эта девушка. Шрамы раздражают, постоянная боль похожа на затянувшуюся пытку. Но боль, которую может причинить она, могла бы опустошить его.

И Эрин не смотрит на него.

Голова девушки опущена, когда она проходит мимо, оставляя только сладкий запах. Эрин занимает место в самом конце, хотя класс достаточно маленький, чтобы расстояние между ними было слишком большим. Даже доставая тетрадь и ручку, она неизменно избегает зрительного контакта.

Он хмурится. Они решили скрывать свои отношения, но это слишком. Это, вероятно, намекает на неуместное поведение больше, чем смог бы откровенный флирт. Нет, это больше, чем осмотрительность. Что-то не так. И ему придётся отсидеть весь урок, прежде чем он сможет спросить, в чём дело.

Глава 4

Эрин сосредотачивается на том, чтобы выложить в линию свои ручки рядом с тетрадью. Она переворачивает страницу на новую.

Ладно, она специально медлит. Потому что Блейк смотрит на неё с любопытством, а девушка не может встретиться с ним лицом к лицу в этот конкретный момент, не тогда, когда между ними другие студенты. Его взгляд — сила, притягивающая её к нему, вопрос, на который она чувствует обязательство ответить. Наконец, входит новый студент, и Блейк переключает своё внимание. Эрин чувствует соответствующую дрожь от этой потери.

Она практически сбежала со встречи со своим руководителем, надеясь добраться раньше других и пожелать Блейку удачи. Но резко остановилась, выдохшись, когда услышала голос профессора Дженкинс внутри, вместе с ним. Звучало так, судя по приглушённым голосам, будто та приглашала его на Бал факультета. И он согласился.

Хотя Эрин знает, что Блейк не поступил бы так с ней.

Обнаружив их вместе, она вспомнила тот вечер, когда увидела эту женщину в доме Блейка. И в ней возродилась та же старая злость. Даже после того, как профессор Дженкинс выскочила, выглядя злой, Эрин осталась в коридоре. Она не хотела, чтобы он видел её такой. Девушка верила, что когда услышит полную историю, всё будет в порядке. Но в данный момент она чувствует только грусть.

Только когда двое других студентов зашли внутрь, у неё получилось прошагать в класс и притвориться равнодушной.

Кто-то садится рядом с ней. Она поднимает взгляд. Улыбающееся лицо.

— Я не знал, что ты будешь здесь, — говорит парень, — но приятно видеть знакомое лицо.

Эрин улыбается.

— Джереми. Разве я не видела тебя у кабинета доктора Миллера?

— Я хотел догнать тебя после урока, но ты так быстро ушла.

Она краснеет, думая о том, кого именно так спешила увидеть.

— Не хотела опоздать. Первый день и всё такое.

— Что с этим парнем? — спрашивает он, и ей требуется минута, чтобы понять, что Джереми говорит о Блейке. *Профессор Моррис*, — напоминает она себе.

— А что с ним?

— Во-первых, его лицо, — когда девушка хмурится, он быстро продолжает. — И откуда он взялся? Это урок высшего уровня. Не могу поверить, что его отдали новому адъюнкт-профессору (*прим. пер.: Адъю́нкт — должность или звание помощника или заместителя в различных областях*).

— Вероятно, это значит, что в него очень верят.

Собственная оборонительность удивляет её. Она должна следить за собой, если не хочет, чтобы люди догадались, что что-то между ними происходит.

Джереми смотрит на неё, хмурясь.

— Конечно. Всё равно, — он достаёт ноутбук и подключает его к розетке в стене позади них. — Кроме того, ещё только один семестр, и я уберусь отсюда.

Она усмехается. Теперь, когда может понять его.

— Я тоже.

— Боже, не могу дождаться. Меня так достало это место.

В этом она полностью с ним согласна. Со своей степенью Эрин наконец-то сможет поддерживать себя не только залогами. Она наконец-то сможет позволить себе больше, чем совместную, дерьмовую квартиру. Может ли она действительно винить Блейка за разговор с профессором Дженкинс или желание видеться с ней после работы? Та ему ровня. Эрин тоже этого хочет.

Девушка бросает на него взгляд, пока Блейк возвращается к своему столу и открывает портфель. Бумаги внутри выглядят мятыми и перемешанными. Это на него не похоже.

Отдалённый звон сигнализирует о начале урока. В более новых зданиях нет звонков, но это одно из самых исторических зданий кампуса, что означает, что вся мебель поцарапанная, и постоянно пропадает электричество. Тихий гул разговора исчезает в молчаливом ожидании. Блейк кладёт бумаги и обходит стол с пустыми руками. Он разворачивает один из стульев спинкой вперёд и садится на него верхом.

В некотором роде приветствуя их всех как равных.

Её сердце смягчается. Должно быть, ему тяжело встречаться со всеми лицом к лицу на одном уровне, без щита или реквизитов, которые используют большинство профессоров, даже те, кто не имеет шрамов. Но Блейк не показывает никакой нервозности. Он выглядит спокойным, компетентным. Как опытный профессор, а не мужчина, которого разорвали на части, физически и эмоционально. Как солдат.

Он представляется как: *профессор Моррис, но зовите меня Блейк.* Она улыбается этому. Он сказал ей что — то похожее, в самом начале, когда Эрин пришла убирать его дом, хоть тогда это и было *мистер Моррис*. Тогда девушка инстинктивно сопротивлялась, осознавая, что интимность между ними может разрастись как лесной пожар. Так что для неё он всегда был мистером Моррисом… пока они не переспали.

Теперь он Блейк.

Он говорит гладким баритоном, который приятно слышать и воспринимать. Блейк рассказывает об основных принципах урока, расписании и исследовательских документах, которые будут основными для расчёта их оценок. Все, включая Эрин, записывают информацию.

— Ладно, перейдём к делу. Мне сказали, что учебники для этого урока были в списке информации при регистрации.

Это она сказала ему это. В его время информацию получали в первый день урока. Так

говорил он — *в моё время.* Она смеялась. Будто он старик, а не всего на десять лет старше.

Девушка достаёт свой учебник вместе с остальным классом. Книги лежат в кругу на столе, не открытые.

Блейк останавливается на мгновение, будто раздумывая.

— Это не урок спорных вопросов. Я ожидаю, что вы будете в курсе того, что происходит в политической сфере… и подтянитесь, если по какой-то причине не следили за новостями последние пять лет. Но я не собираюсь говорить вам, как относиться к эвтаназии или следует ли вам поддерживать кандидата, который курит травку. Это ваше дело — выяснить, как граждан и почтенный выпускник этой программы. Этот урок должен дать вам понятие о том, как выражать эти чувства и свою поддержку. О языке. Об инструментах.

Ещё одна пауза, и на любом другом уроке началось бы шарканье, когда студенты бы отвернулись, незаинтересованные, к своим телефонам. Вместо этого повисает только задумчивая тишина. Эрин обнаруживает, что тоже задумалась. Какие у неё есть инструменты? Ответственность, как гражданина… это сильные слова, но он сказал их без злобы или осуждения. С определённым чувством доверия, будто он уверен, что кучка страдающих от похмелья студентов колледжа сама придумает правильные ответы.

— Как тебя зовут? — спрашивает Блейк одного из парней напротив неё.

— Эм-м, Аллен.

— Аллен, пожалуйста, можешь прочесть первый параграф первой главы?

Шелестят листы, пока все переворачивают на нужную страницу. Название главы гласит: "ПРЕЦЕДЕНТ".

Аллен читает вслух:

— Прецедент — это случай или событие, имевшее место в прошлом и служащее примером или основанием для похожих обстоятельств, или принцип, установленный в произошедшей раньше ситуации, который может применяться для последующих случаев с похожими обстоятельствами.

— Хм-м, — произносит Блейк. — Это идеальное определение, но, думаю, мы можем сделать лучше. Кто-нибудь хочет попробовать?

В классе тишина. Блейк ждёт.

Наконец, рядом с Эрин начинает говорить Джереми:

— Это способ объяснить поведение в настоящем, основанный на чём-то, что произошло в прошлом.

— Отлично. Обрамление настоящего с помощью прошлого. В чём польза от этого?

— Если что-то было правдой тогда, полагается, что будет правдой снова, — поддерживает другой студент.

— Использование прошлого как контекста. Хорошо.

— Последовательность, — произносит парень с угрюмым лицом. — Правила устанавливают, а затем им следуют.

— Да. Верно. Что ещё? — когда никто не отвечает, он продолжает: — Почему прецедент так важен, что его помещают вперёд и в центр, в качестве первой главы учебника?

Эрин опускает глаза на глянцевые белые страницы с суровыми чёрными чернилами. Несколько предложений подчёркнуты предыдущим владельцем учебника. Там много мелкого текста, но ничего не даёт ей понять, почему это на первом месте, или почему важно вообще.

Блейк, кажется, устроился удобно, положив локти на спинку стула перед собой.

— Было время, когда никто не мог сравниться с силой Рима, — начинает он. — Ближе подобрался Карфаген, со своей выгодной позицией торговли и хорошо развитой культурой. К несчастью, римляне считали карфагенян дикарями и угрозой их образу жизни. Или так они утверждали. На самом деле они просто хотели богатств Карфагена. Так, осматривая город и окружающую сельскую местность, римская комиссия передала сенату о "изобилии судостроительных материалов" и утверждала, что карфагеняне построили свою флотилию в нарушение договора.

Блейк прерывает свою историю и тянется назад, чтобы сделать глоток воды. Это мгновение тишины, кажется, придаёт девушке напротив Эрин смелости.

— Вы искажаете факты, — выпаливает она. Когда тридцать лиц поворачиваются к ней, она краснеет и выглядит так, будто хочет забрать слова обратно.

Блейк тоже поворачивается к ней, не обиженный.

— С чего вы решили? — спокойно спрашивает он.

— Вы говорите, их мотивация в том, что римляне действительно просто хотели их богатств, но вы этого не знаете. Может быть, они были уверены, что другие им угрожают.

— Может и так. И в этом плюс истории, мы можем заглянуть внутрь их частных писем и в их воспоминания. Мы можем покрепче ухватиться за то, о чём они думали за пределами публичных речей. В отличие от настоящих событий, где у нас есть только публичный вид.

— Ещё один плюс прецедента, — говорит Эрин еле слышно.

Он бросает ей быструю улыбку.

— Да. Именно. Итак, карфагеняне знали, что сдадут им свои задницы, — один из парней усмехается от используемого языка. Блейк продолжает: — Так что они умоляли сенат, клялись, что не нарушали договор, обещали сдаться без боя.

— Так что умные римляне придумали три испытания. Во-первых, они попросили триста сыновей из знатных семей в качестве пленников. Карфаген отправил их в лодке. Во время второго испытания они потребовали, чтобы Карфаген прислал им доспехи и оружие. Карфаген выполнил и эту просьбу. Когда пришло время последнего испытания, дипломат объяснил карфагенянам, что им нужно передвинуть свой город, строения, всё на десять миль влево.

Кто-то фыркает.

— Зачем?

— Расположение рядом с морем портило нрав Карфагена, — произносит Блейк. — По крайней мере, судя по словам комиссара.

В маленькой комнате раздаются тихие смешки недоверия. Это нелепо, но правда. История.

— Здесь у Карфагена не было выбора, кроме как отказаться. Представьте, переносить всю инфраструктуру на десять миль влево. Это было невероятно. Очевидно, Рим искал предлог, чтобы вторгнуться и украсть их ресурсы.

— Чепуха, — произносит парень, который говорил раньше, лицо которого, похоже, вечно хмурое. Он тоже большой, грузный, но и пугающий. Стул и стол выглядят слишком маленькими для него.

— Простите? — как обычно произносит Блейк.

— Я сказал, это чепуха. Вы говорили, что вы здесь не для того, чтобы говорить нам, что думать, но делаете именно это.

— Вы не согласны с моим представлением Третьей Пунической войны? — узнаёт

Блейк.

Парень издаёт грубый звук.

— Вы говорите ни о какой-то Пунической войне и не о римлянах, и мы все это знаем.

— Тогда о ком я говорю?

— Вы говорите о Иракской войне. О Буше. Это какая-то либеральная пропаганда.

— Это просто рассказ. Почему это должно что-то значить?

— Потому что… — парень затихает. Он тихо фыркает. — Потому что это чёртов прецедент.

Блейк мычит в знак согласия и подтверждения.

— Прецедент полезен по многим причинам, но истории связывают нас с миром, позволяют понимать большую часть картины. Я рассказал историю о Риме, и теперь вы естественно привязали это к Ираку. В этом сила историй. Никогда не недооценивайте это.

Он направляет их внимание обратно к учебнику, но теперь Эрин чувствует больший интерес к этим теоретическим словам, понимая просьбу. Все, кажется, присоединяются с энтузиазмом, даже парень, который чуть ранее спорил с Блейком. Вся враждебность исчезает под силой любопытства… и под силой историй.

Нет, она определённо не будет снова это недооценивать. И не будет снова недооценивать Блейка. Он мог отказаться и не браться за эту работу, но здесь у него не будет никаких оговорок, чтобы выступать в полную силу. А его полная сила очень, очень могущественна.

Эрин уверена, что если бы не знала его раньше, то уже наверняка сильно бы в него влюбилась. Но она знала его раньше, видела Блейка радостным и печальным. Эрин видела, как он смеётся, не сдерживаясь, и кончает с мучительным стоном. Её чувства прямо сейчас превосходят страсть. Они перерастают в любовь.

Глава 5

Эрин проводит свои дни в классе или в библиотеке, работая над своими исследованиями, а её ночи всегда проходят в одном и том же месте — в объятиях Блейка. Иногда в квартире девушки, но чаще в его доме, чтобы её соседка могла спокойно поспать. Кортни никогда не говорит о шуме, только на доске на кухне ведет счёт дней с тех пор, как у неё был секс.

Два летних курса очень сокращены. Вместо встреч два раза в неделю весь семестр, они встречаются каждый день шесть недель. Следующее, что понимает Эрин, что прошла уже половина. Половина пути к её цели и к полной, безумной влюблённости в Блейка.

Она переживает о том, что Блейк её профессор больше, чем показывает ему или Кортни. Но он с уважением и тактом относится ко всем своим студентам, а Эрин очень хочет учиться у него. Всё практически идеально. Практически, потому что они по-прежнему держат всё в тайне.

В этот вечер девушка едет к нему домой. Ей хочется обвить его руками, когда он открывает дверь. Усмешка мужчины озорная, содержит вопрос для неё и гордость за хорошо проделанную работу. Вместо этого Эрин ограничивается широкой ответной улыбкой. В любом случае, она бы не смогла это сдерживать. Блейк был великолепен в классе, авторитетный и добродушный, как обычно.

— Ты был превосходен. Я знала, что так будет, но… чёрт. Сегодня ты превзошёл мои

все мои ожидания.

Мужчина закрывает дверь, когда она заходит.

— Никто не убежал с криками, так что я называю это победой.

Эрин закатывает глаза.

— Больше никто даже не замечает, как ты выглядишь.

Хотя теперь она замечает, как Блейк выглядит — по-прежнему в брюках и рубашке, хоть и закатал рукава. Его одежда немного помята, волосы взъерошены. Её голодный взгляд бродит по его телу, и когда Эрин встречается с ним взглядом, желание в его глазах совпадает с её собственным.

Он прижимает девушку к стене. Его поцелуй говорит, что сейчас не время для обсуждений. Это требует от неё такие вещи, как подчинение и нежность, как страсть и игривость, и она слишком счастлива услужить. Его язык проникает в рот Эрин, а затем снова исчезает, мгновенно, и ей приходится следовать за его языком своим.

Рука мужчины ложится ей на шею, твёрдым и успокаивающим прикосновением, которое превращается в нечто более страстное, когда он хватает её за волосы. Девушка ахает от этого ощущения. Её киска сжимается одновременно с его кулаком. Другая рука Блейка соскальзывает с её талии под майку, и этот контакт достаточно горячий, чтобы вплавить Эрин в безжалостную поверхность под ней.

Блейк разрывает поцелуй, но продолжает касаться её везде, будто прошли месяцы и годы, а не часы и дни.

— Это тяжелее, чем я ожидал.

Он прокладывает дорожку поцелуев вниз по её шее.

О Боже, так приятно. Эрин в ответ толкается бёдрами.

— Преподавать урок?

— Притворяться, что я тебя не знаю.

Её сердце сжимается.

— Для меня тоже. Но я горжусь каждый раз, когда вижу тебя там.

Улыбка Блейка практически мальчишеская. Ей тяжело даже считать шрамы какой-то особенной помехой. Он просто так выглядит, это часть его. Единственная причина, по которой Эрин жалеет об этом, это то, что она знает, как ему от этого больно.

Иногда он случайно отворачивается и сжимает зубы. Блейк говорит, что ощущает это так, будто его снова обжигает, отголосками прошлого. Эрин сделала бы что угодно, чтобы забрать у него эту боль, если бы могла. Она любит, любит, любит его. И он любит её в ответ, Эрин уверена в этом. Так что эта неуверенность может погибнуть ужасной смертью, ей плевать. Нет причин привлекать его к ответственности только за то, что какой-то парень оказался придурком, когда она училась на втором курсе.

— Мне нужно кое-что тебе рассказать, — говорит девушка. Он приподнимает бровь, а она продолжает. — Я слышала конец твоего разговора с профессором Дженкинс. В первый день урока.

— Чёрт, — Блейк зажмуривает глаза. — Прости. Я надеялся, что ты не увидишь её там. Эрин, клянусь, я не…

— Нет, всё в порядке. Ты не обязан объясняться. Я доверяю тебе и понимаю, что она может время от времени приходить поговорить с тобой. У вас один работодатель, по крайней мере, на семестр. Так что мне не хотелось, чтобы ты переживал, что я распсихуюсь, если вы поговорите. Я бы даже ничего не сказала сегодня, просто не хочу, чтобы ты

чувствовал, будто должен скрывать это от меня.

Он притягивает её на диван.

— Я ценю твои прогрессивные взгляды на это дело, но как бы сказал наш знакомый с урока парень — чепуха.

Эрин моргает.

— Что?

— У тебя есть полное право расстраиваться из-за того, что застала меня вот так, или, по крайней мере, знать, о чём мы говорили. И даже если ты не настаиваешь на этом, я хочу тебе рассказать. Я прояснил с ней, что между нами всё кончено. Я сказал, что если она ещё раз придёт в мой дом, я вызову копов.

— Ты действительно сказал это?

Блейк пожимает плечами.

— Это правда. То, что она сделала, было крайне неприемлемо, и мне нужно было задушить это в корне. Ради отношений с тобой и ради себя тоже. Я не могу обещать, что она больше ничего не сделает, но она мне не интересна. Совсем. И я уверен, что разозлил её достаточно, чтобы она не захотела иметь со мной ничего общего.

Эрин выгибает бровь.

— Установил прецедент, да?

Он усмехается.

— Ты собираешься использовать против меня все мои лекции, да?

— Скорее всего. А что, я тебе надоем?

— Никогда, — ещё один поцелуй, на этот раз нежнее. — Останься со мной, — прижимается к её губам своими. — Обними меня так крепко, чтобы я никогда не переживал, что проснусь, а тебя рядом не будет.

Будто подчиняясь ему, её конечности начинают двигаться без раздумий, руки девушки смыкаются за его шеей, а ноги сцепляются вокруг бёдер. Её спина изгибается, отрываясь от стены, ища твёрдую плоть и его горячий пульс, пытаясь соединиться с Блейком везде.

— Я никогда тебя не брошу, — шепчет она.

Эрин чувствует его через свои джинсы, ощущает, как его член подскакивает в ответ на её слова. Они связаны, эмоциями и сексом. Они сплетены вместе, как их тела и сердца, не изящно, а жадно, ненасытно. С необходимостью.

Девушка вздрагивает, молча умоляя, но когда её язык находит тяжёлый пульс на его шее, она стонет. У него вкус мускуса и мужчины, веры и непочтительности, всё вместе. Его кожа здесь не повреждена, не изранена, но всё равно грубая. Проведя по коже, слышится неровный скрежет здорового, энергичного мужчины, который работал и боролся, противостоял миру до того, как нашёл убежище в её объятиях.

Он яростно реагирует на влажное скольжение её языка. Прижимаясь к ней, вдавливая её в стену.

— Подожди, — бормочет он. — Одну минуту… просто.

Она не хочет ждать. Не хочет, чтобы он контролировал себя, зарывая страсть где-то глубоко, недостижимо. Эрин царапает его ключицу зубами, с животным инстинктом возбудить и отвлечь. Пробудить зверя внутри него; не израненная кожа, как он думает, делает его таким, а жёсткая, яростная его часть. Часть, которую он осторожно держит вдали от неё, относясь к ней как к хрупкому стеклу. Будто Эрин не способна справиться с ним, или будто она не хочет этого. Она не может винить Блейка после того, как профессор Дженкинс

бросила его в самом уязвимом состоянии. Он научился скрывать свою боль и раздражение. Ещё он научился сомневаться в Эрин. Но она сильнее этого. Она не хрупкая и не изнеженная. Она ненасытная. Ничего, кроме него целиком, не будет достаточно.

Девушка скользит ладонью вниз по его груди и торсу, к скрытому под тканью члену. Тот напрягается в штанах, ограниченный одеждой и самим Блейком. *Как бы ни хотела этого, не дави на него слишком сильно*. Всё было нормально в начале, но не сейчас. Она должна доказать ему кое-что, и, может быть, он тоже.

Эрин мягко сжимает его, нежась в запинающихся, рваных вздохах, вырывающихся из груди мужчины, в низком болезненном стоне, доносящемся из его горла, и, Боже, в его руках, в том, как они, словно стальные балки упираются в стену по обеим сторонам от её головы, напряжённые от силы его похоти, но держащиеся ровно, чтобы позволить ей исследовать. Так много силы, так много сдержанности. Он как бушующий шторм, крепко зажатый в стальной коробке, а она держит ключ.

Порхающими пальцами Эрин расстёгивает его ремень и достаёт член. Он тяжело падает ей в руку, обжигая кожу. Девушка опускается на колени и касается его языком, целует с силой и страстью, которыми атаковала губы Блейка всего несколько секунд назад. Она отсасывала мужчинам раньше, даже делала это с ним, но никогда это не было вот так. Будто целуясь с его членом, будто занимаясь любовью с ним своим ртом. Он гладкий и скользкий под её языком, она едва замечает солоноватый вкус из-за охватившей её страсти. И к удовольствию Эрин, Блейк слишком увлечён моментом, чтобы сдерживать себя. Мужчина опускает одну руку и хватается за её голову, толкаясь глубже в устойчивом ритме. Это не осторожная ролевая игра, как было в его кабинете в тот день, это неуправляемый и дикий поток секса и ощущений.

Блейк отстраняется и отрывает себя от неё, задыхаясь.

— Боже, Эрин. Боже.

Она прижимается спиной к стене, которая остужает её разгорячённую кожу. Воздух кажется густым и горячим, отчего тяжело дышать, но ещё и таким необходимым.

— Как ты меня хочешь? — спрашивает она низким голосом.

— Я слишком далеко после такого… Я на грани, Эрин. Позволь мне отойти, и тогда я сделаю тебе хорошо.

— Я не хочу, чтобы ты делал мне хорошо. Я хочу, чтобы это было для тебя.

Она тянется к нему, стягивает штаны, которые висят на его бёдрах, спускает вниз по ногам и полностью снимает, оставляя его обнажённым, в одной рубашке. Черты его тела изгибаются так мужественно, вся эта власть сдержана, сила остро скована, как и сам мужчина. Эрин гладит внешнюю часть его голени, загорелую кожу и мелкие жесткие волоски, восхищаясь.

Когда девушка поднимает взгляд, в её глазах вопрос, мольба. *Пожалуйста?* Блейк стонет, и это звучит так надсадно, будто что-то умирает, и она надеется, что это его самоконтроль.

Мужчина указывает на гостиную, где пол из твёрдого дерева смягчён плюшевым ковром.

— На ладони и колени.

Она поднимается, чтобы подчиниться, роняя по пути одежду, избавляясь от неё так, будто нашла новую кожу, литую и чистую. Ничего, кроме секса и ощущений. Здесь только беспомощная, бесхитростная интимность. Ковёр царапает её предплечья, как металлическая

щётка керамику. Эрин разворачивается, предлагая себя ему, позволяя смущению охватить ее и повысить ценность своего подарка.

***

Блейк отводит время на то, чтобы достать презерватив из кармана своих штанов и надеть его на член. Не глядя на неё, ведь он не может сейчас смотреть на нее. Как Эрин делала в классе в тот первый день, со своими ручками и блокнотом, прячась, потому что видеть было бы слишком. Её красота слишком ослепляет, а его собственная слабость выставлена напоказ. Он хочет опустошить её так, чтобы она изменилась, неизгладимо и безвозвратно, привязать девушку к себе, чтобы никто из них не смог вырваться.

Но Блейк боится напряжения в своих руках, мрачного шума в своём сердце. Так он может быть слишком груб. Ему нужно проверить себя, если она хочет дать ему полную власть. Что, если он причинит ей боль? Что, если он отпугнёт её?

Но он не уверен, что сможет остановиться. Просто предупредить себя быть осторожным не достаточно, не тогда, когда всё его тело щетинится, рвется от желания взять её. Эрин опускается на колени перед ним, изгиб её задницы так сладок и притягателен, розовые половые губы блестят от желания. Блейк становится хищником из-за неё, отчаянно желая оказаться внутри девушки и над ней, окружить её, пока она не станет дышать только им. *Будь осторожен,* — предостерегает он себя. — *Двигайся медленно*.

Блейк сжимает в кулаке свой член и заставляет себя говорить спокойно.

— О чём ты думаешь? Прямо сейчас.

Её глаза расширяются.

— О тебе. Каково будет почувствовать тебя внутри.

— Тебе нужно кончить?

— Да, — выдыхает она.

— Когда ты последний раз доводила себя до оргазма?

Она моргает. Если он не ошибается, по её щекам разливается румянец, распространяясь и сзади по плечам.

— Ты имеешь в виду, когда последний раз мы…?

— Не мы. Ты. Как давно ты прикасалась к себе?

Эрин отворачивается лицом к ковру, заглушая свой ответ.

— Сегодня утром.

Он гладит внутреннюю сторону её бедра, не желая, чтобы девушка чувствовала себя одинокой в этом и нуждающейся — нуждающейся в том, чтобы касаться своей нежной кожи. Он тоже не хочет быть в этом один. Кровь пульсирует горячим потоком по его венам, выбивая ритм настойчивости и желания. Страсти, даже если он понимает, что это неправильно. Не хорошо.

Девушка заслуживает ласки, но Блейк может думать только о том, чтобы держать её и трахать. Эрин заслуживает поклонения, но он представляет каждую свою грязную фантазию с её телом. Больше всего она заслуживает лучшего мужчины, целого и не сломленного, но он никогда её не отпустит.

Шёлковистая кожа в развилке её ног уже влажная. Он лениво рисует там круги, нуждаясь в передышке, прежде чем погрузится в неё. Прежде чем причинит ей боль. Он примет её подчинение, её доверие. Блейк использует сладкое тело девушки и, делая это, достигнет своего собственного блаженства. Эгоистичный и чудовищный — вот, какой он.

Мужчина наклоняется вниз, бормоча единственные слова любви, о которых может сейчас подумать.

— Покажи мне. Заставь себя кончить для меня.

Со стоном принятия, она тянется вниз. Он видит, как мелькают ее бледные пальчики, пока они быстро работают над клитором. Серые жалюзи рассеивают вечерний свет, скромное освещение падает на её великолепные изгибы и создает под ней тени. Блейк опускается на колени за ней и наклоняет голову. Она прекрасна на вкус. Мужчина тянется глубже, раздвигая её ноги шире и утыкаясь в неё языком. Эрин вздрагивает, и движения её рук ускоряются.

Он будет управлять этим, но чувствует себя странно бессильным. Блейк может лизать её, ласкать языком, но это она контролирует скорость, она доводит себя до оргазма. Не к этому он стремился вначале, но её удовольствие — это по-своему сладкая награда.

Эрин начинает раскачиваться в знакомом ритме. Он хватает её за бёдра и держит ровно. Его жёсткая хватка, кажется, пробуждает что-то внутри неё. Звуки девушки теперь неистовые, пальцы двигаются отчаянно. Он скользит своими двумя пальцами в тёплое нутро её тела, находя правильный угол и идеальное место, встречая её ласки своим языком сквозь набухшую плоть.

Девушка кричит, кончая, звуча отчаянно и такой полностью принадлежащей ему, что он пятится назад, и врывается в неё прежде, чем она заканчивает. Блейк толкается внутрь неё снова и снова, не позволяя ей расслабиться или найти полный комфорт. Это отличается от всего, что было раньше, и эта мысль только гонит его выше. Сильнее. Глубже внутрь, пока она не сжимается вокруг него в попытке получить временное облегчение.

Но он не может. Не может остановиться, не может дышать. *Больше, больше.* Мужчина скользит ладонью по липкой от пота коже её спины и хватает волосы девушки у корней. Он притягивает её к себе, чтобы Эрин встала на колени, пока он за ней, практически под ней, трахает её. Обвивая своими руками, он находит клитор и ласкает его с тем же ритмом, который она использовала сама, теперь изучив её секреты.

Девушка ахает и рыдает в его объятиях, ладони влажные от её собственного желания, цепляются за его руки и царапают бока Блейка — всё, до чего она может дотянуться, чего не так уж много. Теперь Эрин в его руках, под его контролем, так, как он и жаждал, и ненавидел. Блейк хочет дать ей всю свою мягкость, но находит, что ничего этого не осталось. Он присасывается к её шее, оставляя отметки для мира и для неё, но по большей части для себя. Чтобы знать, что она принадлежит ему, и никогда не сомневаться, никогда не бояться.

Всё ещё удерживая девушку на месте, запутываясь рукой в её волосах. Всё ещё лаская клитор, чувствуя пульсацию её вокруг своего члена.

— Кончи, — бормочет он ей на ухо. — Кончи для меня.

— Я не могу.

— Сделай это сейчас.

Он щипает её клитор, и девушка кончает с хриплым криком. Её киска крепко сжимает его. Блейк практически кончает — *не ещё, почти.*

— Ещё раз, — требует он.

— Нет. О Боже, я действительно не могу.

Но она может. Её внутренние мышцы всё ещё пульсируют вокруг него, её последний оргазм едва исчез.

Он нежно прикусывает мочку её уха.

— Я хочу почувствовать, как ты снова кончаешь. Я хочу, чтобы эта сладкая киска сжала меня, пока я больше буду не в силах сдерживаться. Я хочу чувствовать, как твоя влага стекает по моему члену прямо на яйца. Ты можешь сделать это для меня, милая?

Она, должно быть, выкрикнула его имя, но звук заглушается в его ушах, когда Эрин делает именно то, что он приказал. Пока девушка кончает и сотрясается в его руках, в то время как её влагалище практически болезненно сжимает его член. Перед его глазами появляется белая пелена, тело становится неподвижным. Блейк кончает в мгновение ослепляющего экстаза и беспомощной, беспощадной нужды. С криком отчаяния и освобождения. С осознанием, что он не выживет, если она тоже покинет его.

Блейк сворачивается, лёжа на боку, и ловит её, когда она начинает падать, задыхаясь.

— Прости, прости, прости.

— Нет, — произносит она грубым голосом. — Не смей извиняться. Не смей.

Так что он не произносит этого вслух, просто думает об этом: *Прости, но я не могу отпустить тебя. Теперь ты моя, да поможет тебе Бог*.

Глава 6

Эрин потягивается. Собственные мышцы кажутся ей звенящими и хорошо использованными.

Девушка поворачивает голову, встречаясь лицом к лицу со своим любовником с ленивой улыбкой. Глаза Блейка закрыты, рука закрывает лицо. Он стал менее смелым после всего, будто она может найти его шрамы уродливыми без смягчающей дымки возбуждения. Ещё мужчина переместил их, чтобы она видела его неповреждённую сторону. Блейк делает так постоянно, так плавно, что Эрин не замечает это, пока не пройдёт время. Она не уверена, что он сам осознаёт, что делает это. Обожжённая кожа на противоположной щеке — просто отблеск. Блестящее пятно. Бело-розовое, которое не загорает до бронзы, как остальная его кожа.

Эрин хотела бы сказать ему, что это не имеет значения. Но на самом деле это не правда. Как много людей носят свои самые потаённые части на лице? Насколько отличался мы мир, если бы люди ходили со знаками, говорящими о самом худшем, что с ними произошло?

Для её матери это было бы то, что произошло в доме, где она работала горничной, а затем вдруг перестала. Для Эрин это был бы тот случай, когда её парень привёл девушку знакомиться с его родителями, и они поняли, что это его отец причинял боль матери Эрин. Когда её парень позвонил позже, рассказывая чушь о том, что её мама обокрала их, конечно, и его отец невиновен и ничего плохого не сделал. Когда он оставил её саму искать дорогу обратно до кампуса, и когда Эрин увидела его гуляющим между зданиями с другой девушкой, повисшей на его руке. *Сломленный дух* — говорил бы знак её матери. *Разбитое сердце* — у Эрин.

Сломанное тело — у Блейка.

Если разбираться так, она чувствует себя везучей. Все испытывали боль в прошлом. У некоторых это было хуже, чем у других, но никто не остался нетронутым. Разница в том, что Блейк так представлен. У остальных из них есть оболочки гладкой кожи, чтобы спрятаться.

Блейк разворачивается лицом к ней, обнажая себя. Она смотрит в его глаза и чувствует, как тонет в них, видя там удовольствие и стыд.

— О чём ты думаешь? — бормочет он.

Эрин почти улыбается от эха его ранее сказанных слов. Во время секса он задавал ей этот вопрос. И её ответ такой же, по существу.

— О тебе.

Мужчина приподнимает бровь.

— Что-то конкретное?

Она изучает гладкую бронзу его тела, испещрённую розовым цветом. Это смелость, с которой он встречал каждый день, нося этот проклятый знак, держа голову высоко.

— Какой ты красивый.

Что-то мелькает в его глазах.

— Это жестоко, — говорит Блейк.

Она морщится.

— Я говорю правду. Для меня ты красив.

Он снова поворачивает лицо к потолку.

— Чёрт, Эрин. Я никогда не просил тебя врать мне.

Девушка приподнимается на локте.

— Как думаешь, почему я занимаюсь с тобой сексом, если не нахожу тебя привлекательным?

— Из жалости? — произносит Блейк, так непринуждённо, что она осознает, что он испытывает её.

И это срабатывает, чёрт побери.

— Тогда почему ты занимаешься со мной сексом? — бросает вызов она.

Он на мгновение замирает. Выражение лица мужчины невозмутимое, Блейк поворачивает голову и одаривает Эрин долгим, медленным взглядом, начиная от её непослушных растрёпанных волос, вниз по обнажённому телу, туда, где пальцы ног прячутся под одеялом. Он гладит её грудь, проводит большим пальцем вниз по боку, грубая подушечка его пальца чувствуется тонкой наждачной бумагой на её чувствительной коже.

Рука Блейка остаётся на её груди, лёгким весом, связью между ними, пока он смотрит ей в глаза.

— Я люблю тебя, Эрин. Не уверен, что этого достаточно. На самом деле, я знаю, что не достаточно, но не могу держаться вдали от тебя. Это не имеет отношения к тому факту, что ты самая красивая женщина, которую я когда-либо видел.

Она тяжело сглатывает. Для кого-то, кто говорит о своей любви и её красоте, он не кажется счастливым.

— Это проблема?

Блейк слегка улыбается. Его голос становится хриплым.

— Нет. Не прямо сейчас.

По её спине бежит холодок. Только тогда она видит риск, на который он пошёл, преподавая урок, где Эрин была студенткой. Поначалу Блейк отказывался, потому что не хотел возвращаться в общество, не хотел снова работать и ходить среди живых, предпочитая убежище, которое создал себе в этом доме.

Они со всем разберутся, пока он будет её профессором, как можно больше ограничивая моральную дилемму. Она будет стараться, как обычно зарабатывая "A" и редкие "B". Обе оценки в общем единственные, которые ставят на маленьком продвинутом курсе магистра. Все думают, что студенты с "C" и "D" уже, в любом случае, отсеялись. Но он будет ставить

ей оценку честно, не обращая ни на что внимания. Блейк слишком благороден, чтобы сделать что-то другое.

Больше, чем потенциальный конфликт между ними, что, если их вычислят? Будет ли инквизиция? Уволят ли его со скандалом в виртуальном резюме? Конечно, никто не узнает. И она не позволит оценке встать между ними, чем бы это ни закончилось. Но остаётся ужасающе много места для ошибки в этом плане. Он, должно быть, знает это и примет без жалобы.

Ради неё.

— Давай, всё так и оставим, — говорит она, убирая волосы с его лба. Девушка гладит его, своего большого, успокаивающего кота, пока его глаза остаются закрытыми, а дыхание не замедляется. Мужчина засыпает, но Эрин продолжает ласкать его, нуждаясь в этом контакте.

Как она может быть такой безрассудной с ним, с его карьерой и жизнью? И как он позволяет ей это? Хотя по натуре Блейк не конфликтный, предпочитает дипломатию в разрешении споров, он знает, как противостоять людям. Так он изолировал себя полностью, избегал захвата миром, несмотря на повторяющиеся звонки от декана и родителей. Он разобрал факты с Мелиндой, угрожая вызвать полицию, если она выкинет ещё какие-то трюки. Но Эрин просто просит его, *здесь, сделать что-нибудь*, а он кивает и делает. Это пьянящего рода власть, но которой она может злоупотребить, если не будет осторожна.

***

Этим утром проходит ещё один отличный урок. Группа расслабилась за несколько недель, другие студенты поддерживают активные дискуссии, которые иногда после урока продолжаются в коридоре. Затем Эрин проводит начало дня в маленьком кафе прямо за кампусом, где наслаждается клубничным напитком с шариками тапиоки, просматривая свои записи.

Девушка собирает свои книги и направляется обратно к кабинетам факультета. У неё назначена еженедельная встреча с её руководителем — доктором Миллером, чтобы обсудить её прогресс и получить комментарии. День необыкновенно тёплый. Солнечный свет подмигивает ей, огибая шпили и карнизы сложных старых зданий.

Её глаза сужены и опущены вниз, чтобы избежать яркого света. Она проходит через двойные двери и моргает от внезапной тусклости.

— Вот ты где, Эрин, — произносит голос. — Я ждала тебя.

Поначалу она не узнаёт его, но тонущего чувства достаточно для ответа. Её взгляд проясняется. Ей улыбается Мелинда. И это не милая улыбка.

— Доктор Дженкинс, — приветствует Эрин, надеясь, что в голосе не слышно тревоги.

— Зайди в мой кабинет, где мы сможем поговорить.

— Ох. Ну, у меня встреча с…

— Не через пару минут, верно? Ты всегда приходишь рано. Можешь уделить мне несколько минут.

У неё есть несколько минут до начала встречи, которые она обычно проводит на скамейке в коридоре, и Мелинда, кажется, знает об этом. Девушка не хочет сейчас с ней говорить, особенно, когда Мелинда подкралась к ней исподтишка. Но Эрин не хочет проявлять неповиновение. И Доктор Дженкинс, технически, состоит в комитете. Эрин следует за женщиной вниз по коридору и проходит в её кабинет.

Когда Эрин заходит внутрь, Мелинда захлопывает дверь. Эрин предполагает, что это значит, что разговор будет длинным. Она присаживается на один из стульев перед столом, а Мелинда пересекает кабинет, чтобы занять своё место.

— Итак, — произносит Мелинда. — Я взяла на себя смелость взглянуть на твой табель успеваемости. Очень впечатляюще.

— Спасибо.

— Особенно для кого-то с твоим прошлым. Я действительно это уважаю.

Тон Мелинды проясняет, что она имеет в виду абсолютно противоположное.

Эрин сжимает зубы. Откуда эта женщина вообще *знает* о её прошлом? Она копалась глубже, чем просто в её табеле успеваемости.

Мелинда продолжает.

— Я переживаю за это. За тебя.

— Почему за меня?

— Эта идея, что ты должна получить степень магистра. Понимаешь, в этом нет необходимости для многих должностей.

Без сомнений, она ожидает, что Эрин будет секретарём.

— Я понимаю, но хочу это сделать, — не говоря о том, что она уже проучилась два года и находится в шаге от финишной прямой. — Я верю, что это поможет мне достичь моей давней цели.

— Хм-м. Ещё я посмотрела на твои финансовые ведомости. Там большая сумма задолженности, залоги покрывают то, что не может покрыть стипендия. Ты действительно хочешь застрять с этим в самом начале своей карьеры? Ты очень юна.

Эрин моргает.

— Ну, со всем уважением, у меня уже есть задолженность. Я уже не могу избавиться от этого, даже если бы хотела.

— Действительно? — тонкая бровь красивой формы выгибается. — Есть способы, с помощью которых симпатичные студентки иногда избавляются от такого бремени. Например, богатый благодетель.

Эрин охватывает шок. Мелинда действительно только что намекнула на Блейка… как на *благодетеля*?

— Я не… Я этим не занимаюсь.

— Нет? Ну, а что ты тогда делаешь? — Мелинда открывает папку на своём столе. — Здесь, например. Склонившись над его диваном.

Её бросает в жар, а затем в холод. О Боже. Её сердце оказывается в горле, она подвигается на край сидения и заглядывает на стол. Конечно, там Эрин. Изображение сделано через жалюзи и занавески, показывая обнажённую женщину в самой компрометирующей позе.

— Как вы смеете? — выдыхает она.

— Как смею я, Эрин? Нет. Как смеешь ты спать с профессором только ради оценки. Я видела, что сейчас у тебя "А" по его предмету (*прим. пер.: оценка "А" равна пяти баллам по пятибалльной шкале*).

— Я это заработала.

— Так же, как заработала "А" на других своих уроках?

— Именно так. Своей научной работой.

— Предполагаю, остальное — просто дополнительные баллы, — когда Эрин не

отвечает, Мелинда продолжает, — я не могу винить тебя за попытки. Ты получаешь хорошую оценку и здоровенный счёт в банке, чтобы погасить этот долг. Очевидно, ты умная девочка, раз зашла так далеко.

С ужасом она чувствует, как слёзы застилают ей глаза. Эрин делает глубокий вдох и сдерживает их.

— Но теперь ты можешь понять, почему я так переживаю за тебя. Я несу ответственность за студентов… и должна сообщать об аморальном поведении нашего персонала.

— Он ничего не сделал.

Мелинда взяла фотографию и сощурилась.

— Он уже не справляется? Я задаюсь этим вопросом после того несчастного случая. Похоже, ты зря раскрылась и…

— Прекратите.

У неё сжимается желудок. Её точно стошнит.

— Послушай, я *не хочу* никому рассказывать. В реальности последствия будут более серьёзными для него, чем для тебя. Тебе, возможно, придётся остаться на ещё один семестр и посетить этот урок заново. А ему? Все узнают. Эта маленькая жизнь, которая у него осталась прямо сейчас, будет разрушена.

— Чего вы хотите? — произносит она.

— Я не считаю, что профессору Моррису нужно когда-либо снова слышать о тебе вне класса, ты так не думаешь? Определённо, у него есть дела получше в свободное время.

Например, вы? — хочется ей спросить. Но она не может. Это не смешно. Шутят над ней. Потому что Блейк действительно может заниматься чем угодно и кем угодно. В то время как её держат в этом проклятом кабинете. В то время как Эрин строит все эти проклятые *планы* быть успешной и богатой, чтобы никто не помыкал ею, но вот она здесь. Ею помыкают. Она слабая. Беспомощная.

Мелинда продолжает говорить, но Эрин больше не слышит её. Её испытали психологически, и, к тому же, она уже знает суть сообщения. *Убирайся. Ты не желанна. Ты не достаточно хороша*. Шум в её ушах такой же, как когда она была в доме своего парня. Когда его родители унизили её во время первого же блюда и сказали, что тогда она тоже была не достаточно хороша.

После этого, она, спотыкаясь, идёт вниз по коридору к кабинету своего руководителя.

Доктор Миллер хмурится, глядя на неё.

— Всё в порядке? Обычно ты так пунктуальна.

Она просто качает головой, потерянная. Облегчение охватывает её, когда мужчина занимает место за своим столом. Может быть, она сможет преодолеть скованность тела и пережить эту встречу.

— Я должен быть честен с тобой, Эрин. Мы тщательно поговорили о твоей работе, и ты знаешь, что я очень впечатлён. Но я также обсудил её с одним из членов комитета, и там высказали некоторые опасения…

О Боже. Она полностью уверена в том, кто был этим членом комитета. Эрин мямлит, отвечая на вопросы, защищаясь в ответ на различные споры против её работы. Некоторые из них — законные опасения, слабости, о которых ей уже сказали, или которые она отметила, чтобы вернуться к ним. Другие — фиктивные, но она в любом случае не уверена, что справляется хорошо.

Это была не настоящая защита перед комитетом, но куда может быть хуже? Доктор Миллер уже считает её умной, это заметно по тому, как он разговаривает с ней. Будто ему действительно интересны её ответы. Так не было бы перед комитетом, в присутствии Мелинды. Кто знает, как далеко та зашла, чтобы обеспечить себе поддержку ещё и других членов комитета? В конце двух часов, на час дольше, чем они обычно встречались, лучшее, что она может сказать об этом, что её не стошнило.

Доктор Миллер снимает свои очки.

— Осталось последнее. Мне действительно не следовало даже рассказывать тебе это, но ты мне нравишься, Эрин. Думаю, ты подаёшь надежды. Так что я делаю исключение. Поступило также обвинение в плагиате.

Воздух кажется слишком густым. У неё от него кружится голова, начинает тошнить.

— Что?

— Это было необоснованно, и ничего не произойдёт, пока не появятся доказательства. Но если ты хочешь мне что-нибудь рассказать, сейчас самое время.

О Боже, это кошмар. Настоящий кошмар.

— Нет, я придумала это, всё это. Единственные ссылки, которые я использовала, перечислены здесь.

Мужчина изучает её взглядом несколько долгих минут. Наконец он кивает.

— Тогда проблемы быть не должно. Должен признать, я скептически относился к тому, что ты сделала бы такое.

— Я никогда бы не сделала этого.

— Нет, — он кажется задумчивым. — Не думаю, что сделала бы.

— Пожалуйста, скажите, что будет?

— Откровенно говоря, если эта ситуация такая, как я думаю, то ничего. Комитет будет действовать только при наличии чистого доказательства. В основном, которое предоставляется во время предъявления обвинения.

Но не в этот раз, понимает она. Ей удаётся уйти, не развалившись на части полностью и не опозорив себя. Через два здания она находит дверь Блейка. В матовом окне с его именем, написанным тёмными буквами, темно — кабинет пуст. В её животе холодное и напряжённое облегчение. По крайней мере, она может побыть с этим наедине. Эрин садится на стул рядом с его кабинетом, на тот же, где ждала его эти несколько недель назад. Тогда она встретилась с ним внутри. Сейчас же девушка пишет записку.

"Я больше так не могу. Слишком рискованно. Мне жаль. Э".

Она хочет написать другие слова. *Люблю тебя, скучаю по тебе. Помоги мне.* Но она не смеет. Необходим перерыв, иначе она рискует попасть под гнев Мелинды. И, может быть, это к лучшему. Это репутация Блейка. Его карьера. И её. Их любовь не стоит того, чтобы рисковать такими вещами, правда? Она не знает. Иронично, но она хотела бы обговорить это с Блейком. Он, кажется, всегда знает, что делать, всегда знает ответы.

Нет, ей нужно выстоять самостоятельно. Она не может защитить его от болезненного прошлого. Эрин не может защитить его от тяжёлого будущего. Но она может защитить его, сейчас.

Эрин сама виновата. Эта мысль остаётся на первом плане всех её мыслей, с того момента, как она поняла, что Мелинда знает правду. Нет, раньше этого. Когда Мелинда подошла к нему, а он не был свободен, чтобы принять. Он уже был втянут в отношения с Эрин. Какое противное слово — "втянут". Как в бурный роман, который между ними и был.

Секрет, запрещённые отношения. А теперь? У них нет ничего.

Девушка едет домой на автопилоте, где её соседка всё ещё не спит и смотрит повтор "Доктора Хауса". Кортни обнимает Эрин, пока она плачет и рассказывает, запинаясь, с прерывистыми вздохами, о том, что произошло.

Потеря Блейка… Боже, он для неё так важен. Он для неё всё. Но если его вычислят сейчас, остерегающегося и высмеянного после такого недавнего риска, он может больше никогда не попытаться. Он может никогда не восстановиться. И её собственная карьера, профессиональная и иная, балансирует в воздухе.

— Я поступила правильно? — шепчет Эрин.

Глаза Кортни наполнены сочувствием.

— Конечно. Есть причина, по которой запрещают такие отношения. Они просто… не срабатывают.

Ах, этот голос рациональности. Не совсем желанный в такое время. Она слышит ещё и рациональный голос Блейка. Его история о римском советнике, который сделал два пустых предупреждения карфагенянам, прежде чем показать истинные намерения. Он никогда не собирался оставлять их с миром. Всегда, всегда происходит война.

Девушка мрачно осознаёт, что римляне были такими легкомысленно-агрессивными потому что могли. У них была вся власть, как у Мелинды. Она провернула фальшивую уловку, будто заботится об Эрин, а затем назвала её проституткой. А Эрин сидела и принимала это. Это она ненавидит больше всего. Если её спускают на дно, по крайней мере, она может устроить битву.

Глава 7

Блейк сидит в темноте, положив ногу на ногу. Он потер оторванный кусочек блокнотного листа между указательным и большим пальцами. Ему не нужно видеть, чтобы знать, что там написано. "*Я больше так не могу. Слишком рискованно*".

"*Мне жаль*".

Поначалу мужчина просто смотрел на нацарапанные знакомым почерком слова. Но не мог осмыслить их. Блейк знает её, чёрт побери. Это не она. Так что это, чёрт возьми? Он собирается выяснить.

Тихий царапающий звук металла о металл раздаётся со стороны двери, когда поворачивается ключ. Серебряный лунный свет падает на замысловатый дубовый пол, затем исчезает снова. Стучат каблуки, сумки опускаются на пол. Зажигается с гулким щелчком лампа, открывая расположение в кресле Блейка.

Мелинда взвизгивает.

— Ох, Блейк. Господи боже. Что ты делаешь?

Он встаёт, засовывая записку в карман.

— Я подумал, что если мой ключ по-прежнему подходит, то и твой тоже подойдёт. Предполагаю, это цена за то, что мы не закончили всё должным образом с первого раза.

Её глаза сужаются от его резкого тона. Затем на лице женщины расцветает яркая улыбка.

— Ты здесь для компенсации? Не переживай, что я заставлю тебя умолять, дорогой. Я просто счастлива тебя видеть.

— Прекрати нести чепуху. Мы оба знаем, почему я здесь. После сегодняшнего.

Маска спадает. Мелинда закатывает глаза.

— Какую историю она тебе рассказала?

— Она ничего не рассказывала мне о тебе, но ты только что всё подтвердила. Что ты ей сказала? Ты угрожала, что будешь голосовать против её тезиса?

— Ну, что бы я ни сказала, очевидно, это сработало, да? Значит, она не особо за тебя переживает.

— Нет, давай разберёмся. Бьюсь об заклад, ты угрожала *мне*. И теперь я должен верить, что ты переживаешь.

Наконец она выглядит взволнованной.

— Блейк, я просто пытаюсь помочь. Она совсем не подходит тебе. Любой это увидит.

Он двигается на неё. Её глаза расширяются. Женщина пятится назад, пока не ударяется о стену, заставляя чёрно-белые фотографии в рамках вздрогнуть.

— Слушай меня очень внимательно. Я пытался просить вежливо. Я думал, этого будет достаточно. Так что позволь мне говорить так, как ты поймёшь. Оставь её в покое, иначе пожалеешь об этом.

Мелинда хмурится, но её нижняя губа дрожит.

— Что ты можешь мне сделать? Я выше тебя как профессор. Постоянный. А ты только временный.

— Думаю, декан будет очень заинтересован отказным письмом, которое волшебным образом исчезло из твоих записей. Что заставило их передумать всего через месяц? И не было ли щедро со стороны твоего отца оплатить новое крыло для здания социологии?

Даже в тусклом свете он видит, как женщина бледнеет. Часть злобы исчезает с её лица.

— Я не думала, что ты знаешь об этом.

— Да, ну, я могу сложить вместе два и два. Но я не хотел знать. Как ты сказала, мы оба были юны и глупы. У нас больше нет этого оправдания. Так что не смей говорить с ней об академической добросовестности. Не смей говорить с ней ни о чём.

Мелинда закрывает глаза.

— Блейк, нам может быть так хорошо вместе. Ты не видишь этого? Я буду рядом с тобой. Помнишь, как мы мечтали об этом? Я не боюсь быть женщиной, позади сильного мужчины. Таков был план.

— Планы меняются, Мэл. Люди меняются. Чего бы это ни стоило, я говорил тебе, что хочу разницы. А ты сказала…

— Я сказала, что сделаю эту разницу ещё больше.

— Это мы должны делать, ссориться из-за чёртового семестра? Мы не будем вместе, но можем снова найти тот дух. Желание делать то, что важно. Не притеснять девушку, у которой и так тяжёлые времена в жизни.

К её чести, Мелинда, кажется, раскаивается.

— Правда, я не знаю, где ты вообще её нашёл. Не могу представить, что она вращается в наших кругах.

— Оставь её в покое, Мэл. Я знаю, что ты в комитете. Ты можешь бросать ей вызов сколько угодно, но когда дело дойдёт до голосования, я ожидаю, что ты сделаешь то, что сделала бы для любого другого студента. И так как Риз Миллер хвасталась своим проектом любому преподавателю, который слушал, я не сомневаюсь в достоинствах её работы. Мы всё прояснили?

— Боже, боже. Тебя определённо заботит всё, во что вовлечена эта девчонка. Думаю,

это больше, чем просто т…

— Мелинда.

— Ладно. Я оставлю её в покое. А ты сохранишь мой секрет.

Она наклоняется и копается в своём кожаном портфеле, доставая папку.

Блейк берёт её и открывает. Боже. Там Эрин, обнажённая. Его пульс подскакивает.

— Ты приходила в мой дом, — ровным тоном произносит он.

— Нет, абсолютно нет. Ты сказал мне не делать этого, — пауза. — Я наняла частного детектива. Ох, не смотри на меня так. Он не заходил на твою территорию. У него есть одна из этих модных штуковин с объективом для длинного расстояния.

Блейк закрывает глаза и делает глубокий вдох. Печально то, что он даже не удивлён. Просто зол. Они могли быть юны и глупы, возможно, по-прежнему такие, но Эрин на много световых лет впереди них. Взрослая и смелая. Он в ярости из-за того, что ей приходиться разбираться с этим в одиночку. Ему больно из-за того, что она не пришла к нему за помощью.

Мне жаль, — сказала она. Что же, чёрт побери, ему тоже жаль. Но он исправит это. Он исправит каждую возникающую мелкую деталь, пройдёт сквозь строй, если ей понадобится, пока она, наконец, не поверит в них.

***

Эрин как раз выходит из душа, когда звонит её телефон. Девушка быстро вытирается и хватает его, думая, что это *Блейк*, но *нет, это не Блейк*. Её желудок падает. Это её мама.

— Привет, мам.

— Что случилось? — тут же спрашивает она.

— С чего ты взяла, что что-то случилось?

— Ох, милая, я знала. Ты не часто звонила, а теперь говоришь так, будто нос заложен. Либо ты подхватила грипп, либо плакала.

Её улыбка отталкивает облака, в которых витала весь день.

— Ты слишком хорошо меня знаешь.

— Расскажи мне.

В любом случае, вероятно, пришло время сдаться. Двигаться уже некуда, ничего не получится от осторожности. Она вздыхает.

— Я совершила ошибку. Большую, — или несколько, в зависимости от того, как она всё разложит. — Я встречалась кое с кем. Он был военным, но ушёл. А затем получил предложение от университета и принял его, прежде чем мы узнали… прежде чем мы узнали, что он будет преподавать мой урок. Мой последний семестр. К этому времени уже было слишком поздно отступать.

— Ох, Эрин. Не могу поверить…

Она коротко смеётся, слишком хорошо понимая отсутствие слов.

— Да. Теперь, кажется, что нас могут вычислить. Почти. Так что я разорвала с ним все отношения.

Как тонко сказано о том, что она чувствует. Разорвала все отношения, будто они были веточкой на дереве. Вместо того, она чувствует себя разбитой. Расколотой на тысячу осколков. Её желудок крепко сжимается, голова кажется странной, будто наполненной ватой. Не всё это из-за того, что она оставила ту записку для Блейка. Часть из-за унижения после обвинения в проституции, когда она сидела в кабинете университета. Эрин

чувствовала себя так низко, такой недостойной. Правда, такое она чувствует всегда, но вся её неуверенность выплыла на поверхность. Девушки крепко зажмуривает глаза. На самом деле, может быть, поэтому она так чертовски торопилась написать ту записку. Эрин чувствовала себя ужасно, отвратительно и не хотела рассказывать об этом Блейку. Не хотела видеть, как он защищает её, зная, что она, возможно, заслуживает порицания. Или хуже — не хотела видеть блеск согласия в его глазах.

— Конечно, ты поступила правильно, покончив с этим, — говорит её мама.

Эрин ничего не отвечает.

— На самом деле, я… Профессор? Сколько ему лет, Эрин?

— Не так много. Он не штатный профессор или кто-то в этом роде. Просто мужчина с высшим образованием и хорошей научной репутацией, которого наняли на семестр.

— Я не понимаю. Если ты познакомилась с ним не в университете, то где?

У неё сжимается желудок. Она делает глубокий вдох.

— Я убиралась в его доме.

— Эрин!

— Прости, мам, но я просто… Это уже не важно.

Ложь, конечно. Это было очень важно, и она знала, что её мама будет возражать против этого больше всего.

— Эрин, такие мужчины…

— Ты даже не знаешь его.

— Я знаю достаточно. Такие мужчины не уважают женщин, которые убирают их большие, дорогие дома.

— Блейк не такой.

— Ох, так он не богат? Он не вырос с блюдечком с голубой каёмочкой, которое ему всё время подавали?

— Боже. Не все богатые люди такие.

На другом конце провода тишина. Они обе знают, что имеет в виду Эрин. То не названное, что сделал с её мамой мужчина, на которого она работала.

Когда она начинает говорить снова, голос её матери смягчается до мольбы.

— Расскажи мне. Он приглашал тебя на свидание, водил куда-нибудь, будто может себе это позволить? Или он подходил, когда ты работала, и предлагал держать это в секрете?

Эрин чувствует, будто её сейчас стошнит. Она просто так запуталась, так расстроена. По правде она не сомневается в Блейке, но это тяжело объяснить. Что она может сказать? *Я застала его за мастурбацией и подумала, что будет весело к нему присоединиться.* Это едва ли заставит её маму чувствовать себя лучше. Кроме того, у Блейка есть свои причины быть таким затворником, и она не хочет сейчас в это углубляться.

Как бы сильно она ни была несогласна с суждениями своей матери, она может понять её переживания. Внешне всё кажется похожим. Чёртов прецедент. По причинам, которые девушка не может объяснить, её злит использование в этом урока Блейка, но она не может игнорировать последствия. Здесь прецедент — мама Эрин, основа для анализа её собственной ситуации. Но в этом случае разница так важна, так глубоко в центре, что это переворачивает прецедент с ног на голову. Начальник её мамы воспользовался своей должностью. Блейк её друг. Её любовник. И он не заслуживает, чтобы его выбрасывали как мусор, потому что ей вдруг стало страшно. Даже если у неё есть хорошая причина бояться.

Она вздыхает.

— Я разберусь с этим, мам. Не переживай.

— Детка…

— Что насчёт тебя? Как твои колени?

Фырканье её мамы говорит ей, что она не оценила явную попытку сменить тему.

— Они в порядке. Я всегда в порядке, пока у моей малышки всё нормально.

Эрин успокаивает маму обещаниями, что сосредоточится на учёбе и позаботиться о себе. Что она и сделает, но это включает в себя разговор с Блейком. Как только девушка оказывается в кровати, с её глаз свободно начинают капать слёзы. Слова Мелинды продолжают крутиться в её голове. *Предполагаю, остальное — просто дополнительные баллы*. Боже. Какой плохой день — это всё, о чём она может думать. Какой ужасный день, и единственного мужчину, который может заставить её почувствовать себя лучше, она оттолкнула. Она плачет, пока не выматывает себя, и ей не овладевает сон.

Утром её глаза выглядят опухшими. Эрин чувствует усталость и напряжение одновременно. Пробежка, по крайней мере, расслабит её мышцы. Она быстро одевается в потрёпанную спортивную одежду и сереющие кроссовки. Но, открыв входную дверь в квартиру, она тут же останавливается.

В коридоре стоит маленькая картонная коробочка. Её тело кажется деревянным, когда она опускается на колени, чтобы заглянуть внутрь. На дне сложены несколько её книг. Толстовка. И записка. Девушка раскрывает её дрожащими руками.

"Не переживай об М. Я позаботился об этом. Люблю тебя".

Блейк написал записку вместо того, чтобы попробовать поговорить с ней, так же как она поступила с ним. Он приходил к её квартире и оставил коробку с её вещами. По спине Эрин бежит холодок. Если между ними действительно всё кончено, если она надоела ему…

"Люблю тебя", — написал он. Два маленьких слова, и она возлагает на них все свои последние надежды.

***

Эрин смотрит на широкий фермерский дом. Жалюзи зелёные. Как она могла никогда не замечать этого раньше?

Она застряла на месте. Двигатель, возможно, уже охладел. Эрин подозревает, что Блейк знает, что она здесь, но не выходит. Не выйдет. Записка всё прояснила. Он собирался молча уйти, потому что она попросила об этом. Боже. Она ненавидит себя. Блейк злится на неё? Должен. Странно, она злится на него за то, что он уважает её просьбу, так как, кажется, знает об угрозах Мелинды. Он не знает, что Эрин была в отчаянии и потеряла рассудок? Ему всё равно?

Что же, сегодня девушка с ним поговорит. Он заслуживает этого. И вот Эрин здесь, собирается с мужеством, чтобы зайти внутрь. Пытается выяснить, попросит ли она его вернуться или просто даст ему уйти, как он заслуживает.

Со вздохом девушка выходит из машины и идёт к двери. Блейк открывает всего через минуту, подтверждая её подозрения о том, что он знал, что она здесь. Что он знал, как это тяжело для неё. Выражение его лица сдержанное, взгляд ничего не выражает. Никакого горячего желания, которое он обычно позволяет ей видеть. Никакой любви. Тревога в её желудке становится тяжелее. Её сердце бьётся быстрее.

— Доброе утро, — произносит он, и что это вообще значит? Эрин чувствует себя тревожно и не совсем собранной после своего маленького разлома.

— Доброе.

Мужчина отступает, чтобы пропустить её. Эрин не может оторвать от него взгляд, проходя мимо. Его зелёная футболка свисает с широких плеч, свободная там, где сужается его талия. Его джинсы покоятся на бёдрах и огибают мышцы. Он босой и пахнет мылом… одним словом, съедобный. Но он не принадлежит ей, потому что она запаниковала. Потому что сдалась.

Девушка поворачивается лицом к нему.

— Ты хорошо выглядишь.

Румянец окрашивает её щёки. Она не хотела говорить этого.

Он изгибает губы в кривой ухмылке.

— Это одно из преимуществ того, как я выгляжу. Синяки под глазами не так заметны. Я не мог заснуть.

У неё перехватывает дыхание.

— Блейк. Мне жаль.

— Да, я прочёл это в твоей записке.

Голос мужчины сдержан, делая его чужим и пугающим. Не тем Блейком, с которым она лежала в постели. Даже не тем Блейком, который болтал с ней, когда Эрин приходила убираться в его доме.

— Я вспылила. Я сделала ошибку.

— Со всеми бывает.

Его слова снисходительны. Тон — нет.

Девушка смотрит на него.

— Значит, это всё?

— Если это всё, чего ты хочешь, то да. Пока.

Он по-прежнему вежлив. По-прежнему холоден.

— Что ты хочешь сказать этим *"пока"*?

— Я хочу сказать, что не собираюсь давить на тебя. Этот семестр. Осталось несколько недель. Если ты не хочешь меня видеть в это время, я уважаю это.

Она корчит гримасу.

— А если я не захочу видеть тебя после этого?

— Захочешь.

Внутри неё расцветает надежда, быстрая и мощная.

— Ты кажешься очень уверенным в себе.

— Я работаю над этим, но насколько я знаю, ты хочешь меня. Я хочу тебя. Ничто это не изменит.

Эрин хмурится.

— Как ты узнал о том, что произошло?

— О Мелинде? Потому что ты не из тех женщин, которые просто удирают. Было чертовски больно получить ту записку. Даже Мелинда попрощалась лицом к лицу.

Чувство вины сжимает её горло, затрудняя дыхание. Слёзы застилают глаза, но девушка смаргивает их. Она причинила ему большую боль, чем думала. Представляла себя совершенно другой, намного лучше Мелинды, а затем сделала то же самое. Хуже.

— Мне очень жаль, — шепчет она.

Блейк смотрит на окна, где толстые кремовые шторы закрывают весь вид. Ну, эти определённо новые. Он не терял времени.

— Но у тебя не было смысла делать это. Ты так много раз говорила мне, что тебе плевать, как я выгляжу…

— Мне *нравится*, как ты выглядишь, — перебивает она.

Мужчина едва улыбается.

— Иногда мне просто нравится слушать, как ты повторяешь это.

— Мило.

— Я знал, что ты не уйдёшь из-за этого или из-за того, что всё сложно. Пока не испугаешься из-за чего-нибудь. Из-за кого-нибудь.

Она стонет.

— Мне не следовало так психовать.

— Всё нормально. Мы все иногда выходим из себя. Думаю, я поставил рекорд по самому длительному времени пряток в своём доме.

— Это другое. Ты был…

Она не может сказать эти слова. Почти убит. Пленник войны.

— Ранен, — тихо произносит он.

Она тяжело сглатывает. Блейк на самом деле никогда раньше не говорил о том, что произошло, а она никогда не настаивала. Он притягивает её на диван и садится рядом с ней. Эрин вспоминает, с всплеском жара, что они делали на этом диване с бокалом вина. Его улыбка говорит, что он заметил её румянец.

Он становится серьёзнее.

— Я расстроился из-за того, что ты не пришла поговорить со мной, когда Мелинда угрожала тебе. Ты думала, я разозлюсь на тебя?

— Нет, — быстро произносит она. — Не в этом дело. В мыслях все перепуталось, и я хотела справиться с этим сама. У меня такое чувство, что я всегда прихожу к тебе с проблемами или пытаюсь тебя изменить. Это я подталкивала тебя принять работу, а затем всё запуталось, когда мы узнали, что это мой урок.

— Эрин, только я могу нести ответственность за то, что сделал. Или за то, что не сделал. Это я недавно осознал снова. Я принял должность, потому что думал, что это правильно. Я не позволю Мелинде подвергать это опасности, как и не позволю ей встать между нами.

Она пристально смотрит на него.

— Так как именно ты позаботился об этом?

Мужчина пожимает плечами.

— О, как обычно. Шантаж, вымогательство. Теперь, когда я об этом думаю, я мог бы дать взятку. Но до этого не дошло.

— Блейк Моррис, ты не мог! Гарант чести и добросовестности.

— Не тыкай в меня этими словами, милая. Меня воспитывал политик, помнишь? Кроме того, работа сделана. И дело не в том, что ты валишь на меня свои проблемы или пытаешься изменить меня. Дело в том, что я забочусь о том, что моё.

Эрин чувствует, будто задыхается, её тело зажигается волнением.

— Я твоя?

— Ты знаешь ответ на это, Эрин. Ты моя навсегда, касаюсь ли я тебя три минуты или три недели или три года. Хотя давай не ждать так долго, как этот последний вариант, пожалуйста.

— Коснись меня сейчас, — шепчет она. Она хочет снова чувствовать себя связанной с

ним, чувствовать глубокую и неизменную близость, которая наступает только при соединении тел.

Блейк приподнимает бровь.

— Ты уверена?

— Да. Пожалуйста.

— Если я возьму тебя, мы пойдём наверх в мою постель, и я не выпущу тебя до утра. Завтра тебе будет очень больно.

Она тихо стонет, представляя всё, чем они будут заниматься в эти часы. В её теле возникает приступ боли от его фантомного отпечатка, желание, чтобы толстый член Блейка заполнил её.

— Ты хочешь пить? — заботливо спрашивает он. — Голодна? Сейчас нам надо позаботиться о тебе. Тебе понадобится поддерживать свои силы.

Её стон наполнен чистой сексуальной неудовлетворённостью.

— Ты дразнишь меня.

— Небольшая расплата, милая. Ты действительно свела меня с ума той запиской.

Блейк по-прежнему говорит спокойно, но она чувствует смятение за его словами и то, как глубоко она повлияла на него.

Глава 8

Эрин берёт его за руки, поражаясь тому, какие они большие, какими сильными и мощными кажутся. И всё же он позволяет ей взять их, перевернуть. Позволяет ей прижаться губами к тыльной стороне его ладони. Блейк везде такой, большой и крепкий, но позволяет ей вести. Это потому, что он знает, что Эрин нуждается в этом? Или это естественное уважение, которое он дарует ей как своей любовнице? Она хочет знать о нём намного больше.

Это не соблазнительно, но честно.

— Что там случилось? Ты не обязан рассказывать мне всё. Я не жду этого. Просто… что-нибудь, чего я не знаю.

Он не кажется удивлённым её вопросом. Блейк кивает, будто это самая естественная вещь в мире — то, что она спрашивает о его самом тяжёлом времени, и, может быть, так и есть.

— Мы были в патруле. Я и три других парня. На нас напали повстанцы с ракетными пусковыми установками. Застали нас врасплох, с огневым превосходством. Один из моих парней погиб от удара.

У неё перехватывает дыхание. Голос мужчины ровный, но, Боже, боль плещется на поверхности. Эрин чувствует ее в воздухе вокруг себя. Она мерцает, будто в жаркий летний день.

— Джо попал в ловушку под автомобиль. Я хочу как-нибудь вскоре взять тебя с собой к нему, кстати. Мы знали, что они идут за нами, но я был слишком плох после взрыва, чтобы двигаться. Но последний парень… он встал и ушёл. Я наблюдал за тем, как он уходит. Сначала он шёл, затем побежал. Я был в ярости из-за того, что он вот так нас оставил, но в то же время… завидовал, — глухо смеётся он. — Я хотел быть чертовски далеко оттуда.

— Ох, Блейк.

Эрин слышит то, что он не сказал. Один из их товарищей ушёл. Когда он вернулся

домой, его невеста ушла. *Это стало его кошмаром.* Его худший страх — остаться позади. И она сделала это. Девушка прижимается поцелуем к центру его ладони, будто может втянуть боль в себя, просто вдохнуть её.

— Позже я выяснил, что он так и не вернулся. Его признали мёртвым. Так какой в этом урок, а? Уйди и умрёшь от голода. Или останься позади и пройди через пытки… — он затихает от еле слышного вздоха Эрин. — Прости, я не хотел заходить так далеко. Всё кажется таким случайным. Таким ужасно случайным.

Её сердце разбивается за него. Блейк был таким чертовски умным, но не смог увидеть зловещее предзнаменование. Он хотел ответов на жизненные трагедии, когда их несправедливая природа означает, что он не получит ни одного. Жизнь, которая позволяет сильному, верному защитнику быть убитым или оставленным умирать. Которая позволяет трудолюбивой женщине, как её мама, страдать и быть жертвой, а всё из-за чего? Она определённо не может понять это или объяснить, но это правда, тем не менее.

— Я не знаю, почему всё это происходит, — признаётся она. — Не уверена, что мы можем понять.

Мгновение мужчина смотрит на неё.

— Ну, это самая депрессивная вещь, которую я слышал.

Эрин вдруг начинает смеяться, потому что хоть эта ситуация серьёзная и напряжённая, всё кажется ироничным. То, что он видел и пережил невообразимые вещи, такие как пытки и предательство, только чтобы посчитать её комментарий депрессивным.

Блейк тоже смеётся, с дразнящим блеском в глазах.

— Ладно, мой маленький философ. Тогда почему мы здесь?

Она собирается пошутить о фатализме, который является лучшей частью доблести, но останавливается. Потому что Эрин знает ответ, по крайней мере, тот, с которым живёт. Хватая мужчину за запястье, она подносит его руку к своему сердцу. Ладонь Блейка укладывается поверх её груди, но не с сексуальным подтекстом. Её рука ложится ему на грудь, чувствуя равномерный глухой стук. Его глаза слегка расширяются.

— Поэтому, — тихо произносит девушка. То, что они обсуждали в классе, эти концепции и нравы, которые рисовали невидимые стрелки между идеями, которые поддерживали один вывод и эмпирически опровергали другой… да, они интересные. Стимулирующие. Достойные стремления в ярких часах дня. Но они бледны в сравнении с глубокой прочной связью между ними, с безопасным местом для отдыха, когда ночь накрывает мир тенями.

Она может жить во власти, курсирующей между ними. Она может процветать в этом. Если это делает её менее интеллектуальной, Эрин примет это, потому что знает, что чувствует. Она всё ещё хочет быть успешной, но не в ущерб своему сердцу.

Вот почему девушка вернулась к нему. Она лучше потеряет свою степень, чем откажется от волшебства, которое нашла с ним. Она лучше будет рядом с ним, чем будет жить в цепях страха и честолюбия.

Его взгляд одновременно тяжёлый и нежный.

— Учитывая, что из нас двоих профессор — я, мне многому надо у тебя научиться.

Блейк краснеет. Он улыбается и тянется, чтобы коснуться её разгорячённой кожи.

— Будь со мной? — неуверенно шепчет она. Извиняясь и одновременно моля. Не всё решено и выяснено между ними, но тогда бы их никогда не было. Как вихри и перипетии жизни, они могут только встречать препятствия на ходу. Никакого обещания гладких волн,

только партнёр для путешествия.

Его взгляд смягчается.

— Ты никогда не должна спрашивать, милая. Я здесь. Куда бы ты ни пошла и когда бы ни вернулась, я — твой.

Они одновременно наклоняются вперёд, их губы прижимаются друг к другу, а тела сливаются. Из комнаты исчезает весь воздух. Эрин открывает рот, встречая его, забирая у него свой вдох, беря пищу и скармливая её обратно. Её язык скользит в его рот, и он стонет.

— Наверх, — бормочет он. — Пока больше никакого секса на диване.

Она смеётся, но повинуется, идя перед ним вверх по лестнице.

— Я видела новые оконные занавески.

— Не достаточно хорошие. Я выкуплю вокруг всю землю. Или, может быть, смогу найти остров. Мы создадим страну только для нас двоих.

— А ты будешь королём?

Дойдя до его спальни, девушка забирается на кровать.

— Да, — говорит он, быстро избавляясь от своей одежды.

У неё во рту пересыхает от вида его обнажённого тела, твёрдых плоскостей, усыпанных тёмными волосами. Эрегированного члена между его ног.

— А я буду королевой?

— Ты будешь моей целью. Первый указ, чтобы на тебе не было одежды. Никогда.

Блейк подходит к ней и стягивает с нее майку, лифчик. Поднимает девушку на ноги и не останавливается, пока она не оказывается обнажена.

— А когда у нас будут гости? Конечно, тогда мне следует носить одежду.

— Мы не разрешаем визы, — извиняясь, произносит Блейк. — Второй указ. Всё, что ты делаешь, должно быть для достижения удовольствия.

Она возвращается обратно на кровать, в то время как он следует за ней.

— Всё это кажется очень… ограничительным.

— Я могу время от времени позволять тебе уезжать. Раз в день. На работу и обратно.

— А занятия по йоге?

— Это корыстно с моей стороны — согласиться и на это тоже? Меня так возбуждает то, какая ты гибкая.

Она усмехается.

— А девичники время от времени?

— Все эти вопросы, этот гражданский беспорядок, — бормочет Блейк ей в шею. Его губы скользят по её ключице, воспламеняя нервы во всем её теле.

Она вздрагивает.

— Может быть, я устрою восстание.

— Ах, ну ты уже управляешь мной. Всё остальное — просто игра.

***

Блейк позволяет ей перевернуть их. Эрин хватает его руки в свои, прижимая его к кровати. Её изгибы мучительны. Он не может делать ничего, кроме как смотреть на неё, заворожённый ею.

Её сила тоже удерживает его. Не физическое давление ладоней на нём и не стройные бёдра, оседлавшие его, а эта её неукротимая воля. Под угрозой, но, в любом случае, Эрин толкается вперёд. Неуверенная, но раскрывает перед ним своё сердце.

Она укротила его внизу. *Поэтому*, — сказала девушка, соединяя их сердца с их руками. И он знает, что она права. Блейк *чувствует*, что она права, но не уверен, что смог бы найти это место без неё. Это будто бродить годами по лесу, только чтобы она взяла его за руку и повела к прохладному бегущему ручью. Он был здесь всё время, просто Блейк был слишком слеп, чтобы найти его.

Она прикусывает линию его челюсти. Томление скользит вниз по его спине и оказывается в яичках. Он толкается вперёд бёдрами, потирая своим членом между влажных складочек влагалища.

— Боже, женщина.

Её улыбка не оставляет сомнений, что она знает о своей силе. Это мощная сексуальность. Это мир. Он хватает её руки там, где они держат его, умирая от неспособности прикасаться к ней и более чем желая этого. Это материал для мокрых снов, тело девушки открыто его голодному взгляду, он сдерживается ради её удовольствия.

— Используй меня, — хрипло произносит он. — Трахни меня.

Она прикусывает губу.

— Не так.

— Тогда как?

Эрин освобождает его, опираясь на кровать, наполовину переплетённая с ним. Он тут же проводит руками по изгибу её спины, восхищаясь гладкостью, обнимая девушку. Чувствительное движение её бёдер, и она зависает над ним, головка его члена касается щели. Он сжимает зубы, чтобы побороть пронзительное желание дёрнуться вперёд, удерживая себя на кровати пластом. Медленно, болезненно, она опускается на него, окружает его, погружает в мягкость и обжигает восхитительным жаром.

Её взгляд остаётся на его глазах во время всего скольжения вниз и после. Даже когда она начинает двигаться на нём роскошными волнообразными движениями, её тёплый взгляд соединён с его взглядом. Он тонет в этих глазах, в этих янтарных омутах желания и принятия. Эрин смотрит глубоко внутрь него и находит его достойным; он расплачивается своим телом, своей душой за шанс заставить её кончить. Пульсация вокруг его члена означает, что она близко, но выражение её лица серьёзное, сосредоточенное. Ровное.

Это не правильный ритм, чтобы заставить его кончить, не достаточно быстрый, но он рад этому. Так он сможет сдержаться. Даже её восхитительное тело и мучительное ощущение её на себе не может перебороть биологию. Медленное трение — это связь, молитва, чёртово чудо. Блейк тяжело сглатывает. Если он будет ласкать её клитор или сосать соски, она сожмётся вокруг него через секунды, но он обнаруживает, что не хочет, чтобы всё закончилось так быстро. Он хочет наблюдать, как она кончает в своём собственном темпе, чтобы получить своё собственное удовольствие. Блейк хочет страдать в ожидании.

Её груди прижимаются к его груди, и он знает, что она трётся клитором о его тело. Он твёрдый и болезненный в плену её тела, дрожит от сдержанности. Движения Эрин становятся меньше, более специфическими, она двигает бёдрами на нём, трахая его.

Девушка забирает у него своё удовольствие, его силу, и он пуст от этого, раскрыт. Не остаётся ни одной вещи, которую бы мужчина сдерживал от неё — ни любовь, ни секс. Ни подчинение.

— Блейк. Блейк.

Она зовёт его, звуча потерянной и испуганной, глядя в его глаза.

— Я здесь, малышка. Чёрт, я прямо здесь.

Его голос скрипит в воздухе вокруг них, грубый и неуправляемый.

Блейк чувствует напряжение её внутренних мышц, когда она сжимается вокруг него. Поток горячей жидкости окутывает его член. Его глаза сужаются до щёлок, но он не может закрыть их, не может отвести взгляд… чёрт, он не может отвести взгляд от Эрин во время её оргазма, выражение лица девушки небрежное и открытое, такое чертовски прекрасное. Такое прекрасное.

Он кончает. Эрин по-прежнему полностью окружает его, замирая на пике, но Блейк кончает долгими, болезненными волнами, опустошаясь в её тело, находя завершение и намного больше. Нет ничего слаще, чем ощущение того, как девушка рассыпается на части в его руках, нуждаясь в нём, *доверяя* ему… как он, наконец, доверяет себе.

Конец

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net